

Тамара Ключинина

Тамара Ключинина

Магия по законам Ньютона 2

<https://litres.ru/74506287>

Аннотация

Я, простая учительница физики, оказалась в теле студентки магической академии из дешевого романчика. Теперь я – второстепенный персонаж, которому положено героически умереть в третьем акте. Но я не собираюсь так просто сдаваться! И пусть мне придется изображать из себя легкомысленную студентку, обмениваться колкостями с заносчивым одноклассником, скрывать свои чувства к суровому наставнику, но... я не дам местной любимице устроить зомби-апокалипсис!

Зомби должны гореть, магия – подчиняться логике, а шаблонный сюжет – трещать по швам!

Двухтомник, завершенный цикл. Первая книга здесь:

Выражаю искреннюю благодарность литературному редактору Наталье Соболевой за профессиональную помощь в работе над этой книгой!

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Глава 1.	9
Визуализация: мастер Торнвальд	30
Глава 2.	31
Глава 3.	45
Глава 4.	54
Глава 5.	63
Визуализация: архив	80
Глава 6.	81
Глава 7.	93
Глава 8.	106
Глава 9.	123
Глава 10.	143
Визуализация Мистер Гвибл	161
Глава 11.	162
Глава 12.	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

От автора

Дорогой читатель!

Это заключительная книга о приключениях учительницы физики Екатерины, оказавшейся после смерти в сюжете прочитанной книги.

Отрывок из первой части:

«...я начала перебирать в памяти обрывки своей прежней жизни, пытаюсь отделить их от воспоминаний Кассандры Тон, студентки магической академии. И тут до меня дошло, где я уже слышала это имя: по всей видимости, я попала в мир книги, которую читала перед аварией! В мир шаблонного любовного романа, где главная героиня Лорейн – милая и добрая сиротка с уникальными талантами.

По закону жанра эта умница-разумница сразу обзаводится друзьями и поклонниками, как только переводится для дальнейшей учебы в академию. Конечно же, в самом начале у Лорейн случился конфликт с красавчиком Эдвардом, но спустя буквально пару глав – искра-буря-безумие и вуаля: он в нее влюблен. А под конец она совершенно случайно попадает в запертое на сто замков подземелье и, как альтернативно одаренная, от доброты душевной освобождает закованного цепями лича, который вместо благодарности поднимает армию нежити и нападает на академию. Как сейчас помню, в этом месте я швырнула книжку в стену – настолько

меня взбесила глупость главной героини. Ну, вот как можно учиться в магической академии и не понять, что если кто-то закован цепями в подвале академии, то не надо его трогать?!

Конечно, уникальные таланты Лорейн помогают отбить атаку, а ее саму героически спасает Эдвард. У главных героев, понятное дело, ни царапины. Второстепенные значимые персонажи, типа ректора, тоже, конечно, выжили. А как насчет меня? Ведь я не в теле главной героини. И даже не в теле подруги главной героини. Я – обычная девчонка из массовой. По уготованному мне сценарию запланировано всего лишь несколько эпизодических сцен, но самая плохая новость в том, что в зомби-апокалипсисе мне полагается умереть, чтобы главный герой окончательно раскрылся как личность, произнося красивую речь над моим трупом!

«*Черта с два вам, а не мой труп!*» – зашипела я, осознав масштаб своих новых проблем...»

Первая книга здесь: <https://litnet.com/shrt/5t1m>

Приятного чтения!

Пролог

Я лежала на холодном камне, не в силах пошевелиться, лишь ощущая леденящий холод, просачивающийся сквозь тонкую ткань рубашки. Воздух был спертый, пахнувшим пылью, сыростью и чем-то металлическим.

Над собой я видела потолок чудовищных размеров, подавляющий своим вечным, неподвижным величием.

Цепи. Я почувствовала их тяжесть на запястьях и лодыжках прежде, чем увидела. Холодное, живое железо, впившееся в кожу. Они не просто сковывали – они питались. Каждым вздохом, каждой робкой попыткой вспомнить собственное имя. Имя... Какое мое имя?

Справа, в темноте, зазвенела тончайшая, как паутина, цепь. Я медленно, с трудом повернула голову.

В кромешной тьме, за решеткой из энергии, мерцавшей неоновой зеленью, сидел Он. Скрюченный, закованный в оковы, намертво вмурованные в сам камень стены. Лохмотья мантии, когда-то великолепной, а ныне истлевшей, свисали с костлявых плеч. Его нельзя было назвать скелетом – слишком много плоти, сухой и пергаментной, еще цеплялось за кости. А на пальцах, длинных и острых, как когти, все еще поблескивали перстни с мертвыми, потухшими камнями.

Он поднял голову.

В пустых глазницах разгорелись две точки холодного, сап-

фирового пламени. Не жизнь – память. Бесконечная, яростная, концентрированная боль. Взгляд, в котором застыли века ненависти, предательства и крушения целого мира.

Его губы, лишенные плоти, не шевельнулись. Но голос прозвучал у меня в самой черепной коробке, скребущий, как железо по камню. Звук не был звуком. Это была вибрация, от которой задрожали цепи, заплакали кристаллы в своде, а мое собственное сердце замерло в ледяном ужасе.

«Они... учат... своих... щенят... на моем... троне...»

Точки пламени в глазницах вспыхнули ярче, пронзая тьму и меня насквозь. Оно медленно, с нечеловеческим усилием, стало выпрямляться. Цепи натянулись, закрипели, извиваясь как живые змеи. Камни стены затрещали.

«Уничтожить... их...»

Я хотела закричать, но не могла. Хотела бежать, но цепи впились в плоть. Сапфировые огниплыли ко мне, заполняя все поле зрения, обещая не смерть, а нечто бесконечно худшее – растворение в этой вековой, всепоглощающей ярости.

«Уничтожить!»

Я проснулась с коротким, надорванным вскриком, отбрасывая одеяло. Сердце колотилось, как птица в клетке, холодный пот стекал по спине. Руки сами потянулись к запястьям – искать следы от цепей. Их не было. Только кожа, теплая и живая.

Я сидела на кровати в своей комнате в академии, задыхаясь. Утренний свет, бледный и зимний, пробивался через

окно. Тишина.

«*Опять кошмар. Всего лишь кошмар...*» – выдохнула я, но в ушах все еще звенело эхо его голоса.

Глава 1.

Пустые коридоры общежития оглушали тишиной – после шума и суеты дороги это казалось почти нереальным. Мои шаги гулко отдавались под сводчатыми потолками, и я вдруг поймала себя на странной мысли: за эти полгода холодные каменные стены стали почти... родными. Еще недавно я бы лишь усмехнулась, услышав подобное. А теперь – вот она, моя реальность.

Переступив порог своей комнаты, я первым делом бросила взгляд на письменный стол. Он был пуст. Глупое, иррациональное ожидание, которое преследовало меня всю дорогу до академии, снова не оправдалось. Никакого плотного конверта с твердым, угловатым почерком.

«Ну и пусть, – с силой подумала я, отворачиваясь от стола, – Я не собираюсь за ним бегать. Я и так сделала слишком много – показала свою уязвимость, свой интерес... Если он, взрослый, состоявшийся мужчина, не готов к прямым словам и действиям после всего этого, то его молчание – это и есть самый четкий ответ!».

Но рациональные доводы плохо помогали против щемящей тоски по тем часам в тренировочном зале и его кабинете, по тому электричеству, что пробежало между нами при случайном прикосновении. Раньше мне казалось, что он – моя родственная душа, и именно поэтому его отступление и

эта невыносимая неопределенность ранили так сильно.

Смахнув набежавшую влагу с глаз, я решительно распахнула окно, впуская в комнату морозный воздух. Взгляд упал на маленький флакон духов, стоявший на полке.

– Ты со своими тренировками пропустила новую коллекцию ароматов, уже и не знаю, что с тобой делать... – с театральной укоризной вздохнула Лиана на последней нашей посиделке накануне отъезда, – хорошо, что у тебя есть мы, потому что мы о тебе позаботились! – и с торжественным выражением лица протянула мне этот флакон.

Я тут же, не раздумывая, я бросилась их обнимать – и вот уже наше прощание превратилось в настоящую слезливую сцену.

И вместе с этим воспоминанием нахлынули другие. Перед моим мысленным взором предстали ворота академии, запорошенные снегом, и фигура Эдварда, прислонившегося к каменной колонне.

– Смотри, Кесс, не закисни там от скуки в своем поместье. Хотя нет, лучше скучай... по мне! – подмигнул он мне дурашливо.

– Ну, уж нет, Эдвард, я не собираюсь киснуть, – со смехом отозвалась я, подходя к наемной карете.

– Тогда я спокоен, – он добродушно улыбнулся и, помахав на прощание рукой, скрылся на территории академии.

Перебирая в дороге короткие строгие письма и опираясь на воспоминания настоящей Кассандры, я готовилась к

двум неделям показного церемониала и бесконечных нотаций. Первое впечатление от моих новых родителей, подкрепленное воспоминаниями Кассандры, было ужасным: чопорные, помешанные на правилах и пресловутом «что люди скажут», – их интересовали мои оценки и отсутствие сомнительных знакомств. Я вспоминала своих настоящих родителей – погибших много лет назад, – и от души сочувствовала Кассандре.

Первый ужин лишь укрепил мое мрачное мнение: мы сидели в гнетущей тишине за столом, слишком огромным для троих, и лишь в самом конце, после подачи десерта, отец, едва приподняв бровь, холодно поинтересовался:

– Надеюсь, моя дочь показала себя достойно в эту сессию?

– Да, отец, – прошелестела я, склонив голову так, как подсказывала память Кассандры.

На контрасте с задушевными вечерами моего детства из прошлой жизни, когда мы обсуждали, как у кого прошел день, смеялись и спорили о пустяках – этот холодный церемониал казался мне удушающим.

Но спустя несколько дней, в библиотеке я наткнулась на старый потрепанный том по истории магии, принадлежащий моему новому отцу. Он был испещрен ироничными и остроумными замечаниями.

Воспоминания нашептывали, что он вручил этот фолиант с наказом прочесть его от корки до корки, и маленькая Кесси восприняла это как наказание за невыученный урок. Но,

перелистывая страницы, я увидела его настоящего, – не отстраненного аристократа, а пылкого юношу. Его небрежный почерк пестрел на полях: «Любопытно, стоит попробовать!» или «Сомнительная теория!». Это было не наказание. Это была попытка – неуклюжая, молчаливая – поделиться с дочерью частичкой своих мыслей, дать ей в руки инструмент для понимания мира, который она, обиженная, приняла за упрек.

Затем в памяти всплыл визит семейства Реймара. Для Кассандры их сын был ограниченным болваном, предлагаемый матерью в качестве «блестящей партии». Но за обедом я разглядела нечто иное: молодой человек, скованный теми же правилами, отчаянно пытающийся произвести впечатление на потенциальную невесту. Его неуклюжие комплименты, заученные фразы – точно не ограниченность, а скорее всего попытка соответствовать статусу и ситуации. Возможно, Кассандре просто хотели обеспечить благополучное будущее, сводя с молодым человеком, который вырос буквально на их глазах.

Вечером, когда я уже разобрала вещи, в дверь постучали. На пороге стояла Алисия Ванхорн, с шоколадом и кружкой в руках.

– Привет! Рада тебя видеть! – обняла она меня, – Ты тоже решила вернуться пораньше?

– Ага, и как же хорошо, что ты тоже! – искренне улыбнулась я, – Заходи скорей!

Мы сидели на моей кровати, попивая ароматный, согревающий чай, и разговор сам собой свернул к теме отношений с родителями – тишина за пределами комнаты и тепло напитка располагали к откровенности.

– Знаешь, эта поездка домой... будто открыла мне глаза на мое же прошлое, – осторожно подбирая слова, глядя на пар, поднимающийся из кружки, я говорила о «своем» детстве, снова примеряя на себя чужую кожу, но на этот раз с новым, горьким пониманием, – Я столько лет носила в себе обиды на холодность и строгость родителей, а оказалось... они просто не умели показать свою любовь иначе. Совсем.

Я рассказала ей о неказистом тяжелом браслете, который мне подарили перед отъездом в академию. Я описала его так, как его видела Кассандра: уродливый символ контроля – в ее воспоминаниях отец вручал ей этот браслет и читал нотации, которые она, конечно же, пропустила мимо ушей.

С трудом выдавливая слова, я признавалась в том, что поняла лишь теперь, перебирая чужие, но такие яркие воспоминания:

– А я, дура... – я запнулась от искренней злости и одновременно жалости к настоящей Кассандре, – увидела в нем только приказ и ограничение. И зашвырнула его в шкатулку, ни разу не надела. А он... он был защитным артефактом. Мощным. Отец, оказывается, выкупил его у отставного Стража, чтобы уберечь меня. Если бы он был на мне во время того срыва... того выплеска энергии... я бы не оказалась в

палате целителей... – и мысленно добавила: *«могла же ведь выжить, идиотка!»*.

– Мне так жаль, до сих пор твой выплеск перед глазами...
– Алисия взяла меня за руку и легонько сжала.

– Спасибо, Элис, – тяжело вздохнула я, – Оказалось, что вот это его сухое «носи не снимая» было не приказом, а отчаянной попыткой отца защитить свою дочь, когда она будет далеко от дома.

Она слушала всю ту боль, которой я делилась, сочувственно кивая.

– Тебе повезло, что ты смогла это увидеть и принять, – тихо сказала она, опуская взгляд в свою кружку, – А у меня... мои родители вечно заняты, и моим воспитанием занималась гувернантка. Очень, очень строгая женщина, – Алисия на мгновение замолчала, побарабанив пальцами по краю кружки, – Я до сих пор помню, как она могла оставить меня без ужина, если я неправильно держала вилку. Репутация, дисциплина, соответствие ожиданиям – вот то единственное, что было важно.

– А кто был тебе по-настоящему близок? – осторожно спросила я.

Тень теплой, почти детской улыбки тронула губы Алисии.

– Дядя, – прошептала она, – Он... полная их противоположность. Веселый, мягкий. Он тайком от гувернантки – представляешь – водил меня в зверинец, покупал сладости. Иногда меня отпускали к нему на работу, и это было лучшее

время, – она улыбнулась и на пару секунд прикрыла глаза, словно воскрешая старые воспоминания, – Он учил меня... просто быть собой. Не бояться совершать ошибки, – Ее голос дрогнул, – Но он нечасто мог проводить со мной время. И когда уезжал, в доме снова воцарялись правила, расписания и... тишина. Но он, представляешь, он прятал в нашем доме множество маленьких подарков, выдавал мне список загадок, и в каждой из них были подсказки, где искать... Видела бы ты лицо гувернантки! – она счастливо хихикнула.

– Как здорово! – восхитилась я и тут же осторожно продолжила, – А твой дядя... – не зная, как деликатнее спросить, жив ли он.

– Мы до сих пор общаемся, что ты! – счастливо улыбнулась она, – и намного чаще, чем в детстве!

Мы просидели так до самого позднего вечера, и я с удивлением осознала, насколько комфортно и спокойно мне в этом молчаливом понимании. Мы были из разных миров, но нас объединяло намного больше, чем мне когда-то казалось.

Когда Алисия ушла, в комнате воцарилась тишина. Я заварила себе еще чай и достала перо и чернила. Обрывки фраз, впечатления от поездки, новое понимание, – все это просилось на бумагу.

«Дорогие мама и папа» – эти слова дались мне труднее всего.

«Эта поездка домой стала для меня неожиданным открытием...». Я писала и зачеркивала, переписывала снова и

снова, чтобы максимально точно выразить все то, что я привезла с собой из... дома. Их тепло. Принятие. Заботу. Любовь. Больше всего я боялась, что они, увидев разницу между мной и настоящей Кассандрой, заподозрят правду. Но за эти две недели я смогла найти с ними общий язык, и от того, с какой гордостью они шептали «Наша Кесс совсем повзрослела», когда думали, что я их не слышу, – каждый раз у меня подступали слезы.

«Спасибо вам. Спасибо за ваше терпение и за ту мудрость, которую вы пытались мне передать, даже когда я не хотела ее слышать. Теперь я понимаю, как это сложно – отпустить и наблюдать, как твой ребенок становится другим человеком, ошибается, ищет свой путь. Спасибо вам, что позволили мне пройти через это и приняли мои попытки взрослеть, даже если они были не такими, как вы ожидали...» – размазывая по щекам слезы, я пыталась писать от лица Кассандры, которая обязательно, наверняка, сказала бы им все это, если бы выжила и повзрослела.

Запечатав конверт, я долго смотрела на него. Это хрупкий мост, который я решила попытаться построить ради них и ради памяти их настоящей дочери. Возможно, однажды он сможет выдержать тот вес понимания и прощения, который так и не успела она им дать. И это письмо было первым шагом.

На следующий день спокойствие общежития было безжалостно сметено: в дверях возникли Лиана, Миа и Вики. Гро-

хот чемоданов, залиvistый смех и возбужденные возгласы заполнили пространство, а воздух пропитался сладкими ароматами духов и гостинцев из дома.

– Кесси! Ты уже здесь! – завопила Лиана, – Скорее идем, я умираю, как хочу все рассказать! Каникулы оказались потрясающими – Билл приезжал в мой город! – и тут же, не дожидаясь ответа, она потянула нас в комнату, которую делила с Мией.

Расположившись на кровати, Лиана торопливо, не сдерживая восторга, начала повествование о романтических прогулках по заснеженным паркам, ужинах при свечах в самых модных ресторанах и подарке в виде изящного серебряного кулона с лунным камнем. Ее глаза сияли, жесты были широкими и театральными. Однако ее восторг слегка поутих, сменившись легкой неуверенностью, когда Вики спросила ее о реакции родителей.

– Нет, я его с ними не познакомила, – призналась она, вдруг заинтересовавшись узором на одеяле, – Ну, сама понимаешь... он такой веселый, беззаботный, живет одним днем. А папа у меня... Я не уверена, что Билл... что его намерения достаточно серьезный. Как-то не хочется лишних вопросов и нравоучений. Тем более, что с выбором потенциального жениха меня не торопят.

Миа, тем временем, мрачно и без всякого энтузиазма разгружала свою сумку, аккуратно складывая вещи в шкаф. Ее плечи были напряжены, а лицо выражало обиду.

– Миа, а как твои каникулы? Все в порядке? – осторожно уточнила я.

– Мы с Дугласом снова поругались, – выдохнула она, обернувшись к нам, и ее глаза уже блестели от слез, готовых хлынуть в любую секунду, – Живем на соседних улицах, а виделись за каникулы всего несколько раз! Я так надеялась, что мы наконец-то проведем время вместе, как настоящая пара. Без учебы, без... Эдварда! А он... он все каникулы пропадал со своей компанией! А я сидела дома и ждала. Всю неделю терпела, улыбалась, делала вид, что все в порядке, а в последний день просто не выдержала и все ему высказала. До академии добирались в разных каретах. Я даже смотреть на него не хочу!

– Но ведь этих друзей он не видел целый семестр, верно? – я подошла к ней и сочувственно погладила по плечу, – Я думаю, вы помиритесь в ближайшее время – вряд ли он специально хотел тебя обидеть!

– Легко тебе говорить, – всхлипнула Миа, вытирая глаза тыльной стороной ладони, – У тебя же все в порядке... тебе не на что жаловаться!

Я лишь горько усмехнулась про себя. Если бы они только знали.

Первый учебный день после каникул обрушился на академию оглушительной какофонией звуков – многоголосием разговоров, смеха, возгласов приветствий и шутливых пере-

палок. Казалось, все студенты разом решили обсудить накопившиеся за две недели новости. Воздух был густым и теплым от дыхания сотен людей, смешанным с ароматами парфюмов, свежего пергамента и воска, которым натерли полы к началу семестра.

Солнечные лучи пробивались через высокие витражные окна, плясали на стенах, подсвечивая лица, улыбки, пряди волос. Это был день, когда учеба казалась далекой и несерьезной, а главным было увидеться, обменяться новостями и ощутить себя частью этого большого, шумного организма под названием Академия.

Я шла в этом живом, бурлящем потоке вместе со своими подругами, и на моем запястье лежал непривычный груз – тот самый громоздкий металлический браслет, постепенно согревшийся от тепла кожи.

– Не понимаю, зачем эти занятия так рано, – ворчала идущая рядом Лиана, – Можно было бы дать нам еще хотя бы день, чтобы прийти в себя.

– Чтобы прийти в себя от чего? – не удержалась я, – От двух недель безделья?

– От смены обстановки! – возразила она, – Это стресс для организма.

Я открыла рот, чтобы ответить, но внезапно Миа толкнула меня в бок, привлекая внимание, и я увидела, как сквозь общую толпу легко, почти танцуя, к нам пробивается Эдвард. Один, без своей привычной свиты. Его темные волосы были

слегка растрепаны, а на лице играла привычная самоуверенная улыбка.

– Тоун! – его голос, громкий и радостный, на мгновение перекрыл общий гам, – Вернулась! Надеюсь, скучала по моему обществу?

– Вандербилт! – в тон ответила я ему, невольно заражаясь его жизнерадостностью, – А сам-то как думаешь? Как твои каникулы?

Он слегка наклонил голову, и темные глаза с любопытством скользнули по моему лицу. С удивительной легкостью Эд втянул девчонок в наш диалог и естественным образом занял место в центре компании. Он шагал так близко, что иногда задевал меня локтем. Внезапно он замер – и мне пришлось остановиться рядом. Студенты позади нас расступались, обтекали нас, недовольно ворча, и я нетерпеливо развернулась к нему, вопросительно поднимая бровь. Его взгляд был прикован к моему запястью, а улыбка стала неестественно напряженной.

– Стильный аксессуар, слышал про такие... – произнес он нарочито небрежным тоном, указывая подбородком на браслет, – Неужто подарок от твоего... наставника?

В его голосе прозвучала слишком натянутая небрежность. Я даже растерялась на мгновение от неожиданности.

– Что? Нет, – покачала я головой, поднимая руку, чтобы он мог лучше рассмотреть браслет, – Это отец мне подарил еще на первом курсе. Просто раньше я была не в состоянии

это оценить. А теперь подумала – в прошлом семестре, во время того моего «выплеска», он бы очень пригодился. Так что теперь буду носить его постоянно.

Пока я говорила, плечи Эдварда расслабились, напряжение растворилось в воздухе, и его обычная, немного наглая ухмылка тут же вернулась на место.

– Разумное решение, – кивнул он, и его голос вновь зазвучал естественно, – Надо же, а я и не знал, что у тебя такой практичный склад ума. Всегда считал тебя чистой воды романтиком...

Мы двинулись дальше, и Эдвард, продолжил сыпать шутками и поддразнивать моих подруг.

Наша первая пара была по прикладной магии огня. Пожилой преподаватель встретил нас у двери с широкой, добродушной улыбкой на лице:

– Заходите, заходите, птенцы! – приветствовал он, пропуская нас внутрь, – Отдохнули? Набрались сил? Кассандра! – его взгляд упал на меня, и в глазах вспыхнул искренний интерес, – Давно тебя не видел в моей аудитории. Говорят, у тебя большой прогресс. Помог мой совет? «Вспомнить ощущения», – напомнил он, подмигнув.

Мое сердце сжалось от легкой вины – его совет тогда был совершенно бесполезен.

– Спасибо, мастер Гилмор, – тепло улыбнулась я ему в ответ, – Это была очень важная для меня подсказка.

– Вот и отлично! – он радостно хлопнул меня по плечу, –

Сегодня покажешь, чему научилась!

Занятие прошло легко и почти по-домашнему. Работа с пламенем, которую в прошлом семестре я считала непостижимой антинаукой, теперь подчинялась четкой внутренней логике. Я не «взывала к духу огня», а регулировала температуру и концентрацию «мана-частиц». Огненный шар в моей ладони был не чудом, а результатом точных расчетов, и я получала невероятное удовольствие от того, что сказочная магия мне подчиняется.

На уроке боевой магии мастер Торвальд, едва переступив порог, окинул нас тяжелым, придиричивым взглядом и хмыкнул:

– Гляжу, все при полном параде – щеки круглые, взгляды сытые. Под родительским крылом так отъелись, что, гляди, скоро в дверь не протиснетесь! Ну-ка проверим, помните ли вы, что голова нужна не только для того, чтобы в нее пихать пирожки! – и тут же хрипло рассмеялся, пока мы мрачно переглядывались.

И тут из вентиляционной решетки под потолком с легким шелестом посыпались тысячи крошечных, переливающихся перьев. Они кружились в воздухе, как разноцветный снег, оседая на головы и плечи всех присутствующих. Торвальд, похожий на разъяренного попугая, замер, растерянно озираясь. Лицо его побагровело.

– Что за... – прорычал он, яростно стряхивая с себя перья,
– Кто это устроил?!

Кто-то не сдержал хихиканья, но большинство поспешно прикрывали рты, боясь привлечь внимание. Он медленно обвел тяжелым взглядом нашу группу, на секунду задерживая внимание на каждом из нас.

– ТИШИНА! – рявкнул он так, что стекла дрогнули.

Смех и перешептывания оборвались мгновенно. Торвальд не спеша стряхнул последние перья с плеч, каждое движение выдавало его раздражение. Он прошелся взглядом по рядам, словно выискивал жертву. Глаза его остановились на пустом месте рядом с Дугласом.

– Интересно, – проговорил он, и в его голосе звучало не любопытство, а явная угроза, – и где же наш главный специалист по... цирковым представлениям?

В этот момент, словно услышав его слова, дверь в аудиторию с легким скрипом приоткрылась. На пороге стоял Эдвард.

Он был абсолютно спокоен, лишь черти в глазах так и плясали. На левом рукаве тренировочного костюма, чуть выше запястья, красовалось одно-единственное, ярко-синее, неестественно идеальное перо, будто только что приколотое для акцента.

Торвальд сжал кулаки, но сдержался.

– Простите за опоздание, мастер Торвальд, – бархатный голос Эдварда заполнил напряженную тишину, – Путь неожиданно... затянулся.

Торвальд медленно направился к двери. Он остановился

в паре шагов от Эдварда, его взгляд прилип к синему перу.

– «Затянулся», говоришь? – прошипел мастер, – Самый умный что ли? Или смелый? Ты что, думаешь, из меня можно посмешище сделать?!

Группа замерла. Лиана, стоявшая рядом со мной, закусила губу, чтобы не прыснуть со смеху. Дуглас и остальные одноклассники пытались сохранять каменные лица, но по их вздрагивающим плечам было видно – они еле сдерживаются.

– Это? – Эдвард с искренним удивлением посмотрел на перо, будто заметил его впервые, и небрежно смахнул. Перо, коснувшись пола, растворилось в легкой дымке – чистейшая, безупречно выполненная иллюзия, – Просто пыль, мастер. В коридорах, видимо, не очень хорошо убирают.

Торвальд взглянул на валяющиеся на полу перышки, потом на абсолютно чистый рукав Эдварда, и из его груди вырвался низкий, раскатистый звук, напоминающий рычание.

– Ты хоть понимаешь, что это прямое нарушение противопожарных правил?! – прошипел он, стряхивая с плеча очередное перышко, – Ну, что, аристократишка, давай-ка исправляться. Возьми метлу – и чтобы через пять минут тут ни одного перышка не осталось!

Эдвард даже не дрогнул. Лишь слегка приподнял подбородок, глядя на мастера с едва заметной усмешкой.

– Как прикажете, мастер Торвальд, – произнес он ровным голосом и неспешно направился к углу, где стоял уборочный инвентарь.

Торвальд довольно ухмыльнулся, но не успел он насладиться картиной, как Эдвард остановился, небрежно взмахнул рукой – и все перья разом поднялись в воздух, сложившись в мерцающий вихрь. В одно мгновение они устремились к Эдварду и... исчезли в маленьком кармане его тренировочного костюма.

В зале повисла оглушительная тишина. Кто-то нервно захихикал.

Лиана наклонилась к нам с Мией и восторженно прошептала:

– Он и это предусмотрел...

Я невольно пригляделась и заметила: из бокового кармана Эдварда чуть выглядывала крошечная коробочка. Судя по всему, именно в нее и втянулись перья.

Торвальд на секунду потерял дар речи. Его лицо перекошилось, но он быстро взял себя в руки.

– Очень мило, – процедил он, сжимая кулаки, – Но на будущее: здесь не лавка развлечений! В следующий раз будешь убирать вручную. А теперь – за работу! Сегодня у нас огненные атаки. И ты, Эдвард, будешь первым, кто испытает на себе последствия пренебрежения правилами безопасности, – и он жестом указал на место рядом с собой.

Класс нервно зашевелился, и кто-то тихо пробормотал: «Ну все, сейчас будет жарко...», а Эдвард с совершенно невозмутимым лицом все также неспешно встал перед мастером. Багровый Торнвальд все оставшееся занятие пока-

зывал новые удары на нем, а не на манекене. И хотя мастер явно не вкладывал полную силу – едва ли четверть – Эдварду пришлось несладко. Я невольно оборачивалась на них: сначала он держал щит уверенно, но к концу занятия заметила, как его руки начали дрожать, пальцы судорожно сжимались, а мышцы плеч подрагивали от напряжения.

На обеде девочки наперебой рассказывали Вики о нашей последней паре.

– Ты бы видела его лицо! – громким шепотом делилась впечатлениями Лиана, – Абсолютно хладнокровно! И это перо на рукаве... А Торвальд аж присел!

– Он специально опоздал, – подтвердила Миа, – Чтобы все увидели, что это он.

– То, что специально, это факт, – кивнула я, не отвлекаясь от столовской котлетки, – только я так и не поняла, как он эти перья втянул.

– Пылеулавливатель, – подняла на меня удивленные глаза Лиана, – у вас дома нет такого разве? Втягивает пыль и мелкий мусор, перья же совсем крошечные были, вот и втянулись.

– У нас... – протянула я, судорожно роясь в памяти, – просто... у меня дома пылеулавливатель намного больше по размеру, вот и не догадалась, что это он.

– Везет вам, – с завистью вздохнула Вики, – а у нас был обычный день, даже рассказать нечего.

– Эдвард просто лучший, – улыбнулась Лиана,ворачи-

ваясь, как будто надеясь увидеть его за одним из столиков,
– Скучно не будет точно.

Дорогие друзья!

*Хочу порекомендовать легкую романтическую историю о
любви от молодого автора Натальи А. Трубецкой:*

ДОСТА

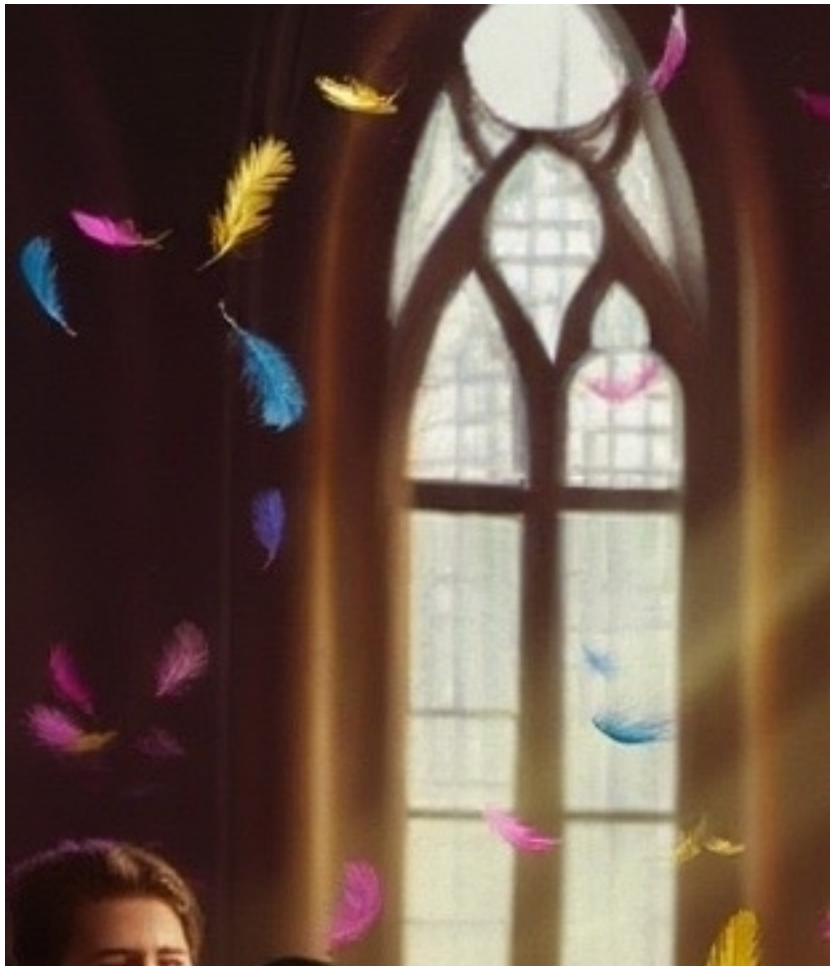

##Читать здесь: <https://litnet.com/shrt/ueIQ>

Их первая встреча случилась, когда она открыла дверь в пижаме с единорогами и маской для волос на голове, а он назвал ее «Принцесса-цыпленок» и добавил двойную порцию пармезана в заказ.

Думаете, это уже любовь? А вот и нет. Это только начало истории.

Визуализация: мастер Торнвальд

Глава 2.

Так начались наши учебные будни.

Первые несколько дней после каникул пролетели в легкой, почти беззаботной суете. Академия, отдохнувшая за две недели относительной тишины, с жадностью вбирала в себя шум и энергию вернувшихся студентов.

Преподаватели входили в новый семестр по-разному. Кто-то, как старый Бродвик, с ходу погружал нас в монотонный поток теории, от которого после каникул клонило в сон сильнее обычного, а кто-то, как магистр Хофстедтер, казалось, даже не заметил этого перерыва.

Именно в этой бурлящей, живой атмосфере я и увидела его. Мы с подругами пересекали внутренний двор, направляясь в другой учебный корпус на лекцию по истории, когда мое сердце неожиданно и сильно екнуло. Рядом с дверьми административного крыла стоял он – Аррис. Он что-то оживленно обсуждал с мастером Торвальдом, размахивая рукой в такт своим словам.

Я едва не замерла на месте, лишь усилием воли заставив себя держать лицо. Меня накрыло чувством вины – он так хотел попасть в Центр подготовки стражей, но, видимо, из-за меня все сорвалось. Тут же пришло осознание: он так не вышел со мной на связь за все эти дни. Ни письма, ни случайной встречи, ни намек. Горький комок подкатил к гор-

лу. Я поспешно отвернулась, стараясь сконцентрироваться на словах Лианы, болтавшей о чем-то веселом и неважном. На подходе к аудитории мы столкнулись с Вики.

– Ну что, готовьтесь уснуть, – мрачно предупредила она нас, – Только что от Бергли, скука смертная.

Лиана театрально закрыла лицо руками, а я равнодушно пожала плечами, даже не догадываясь, какие открытия меня ожидают.

Магистр Бергли вошел, как всегда, – стремительно, за секунду до начала занятия, и его цепкий взгляд, казалось, разом охватил всю аудиторию. Общий гул мгновенно стих.

– Третий курс, – его громкий, поставленный голос без усилий перекрывал тихий шепот задних рядов, – Позади – базовый курс истории. Теперь мы переходим к изучению политологии и генеалогии правящих домов Семи Королевств.

Он прошелся перед рядами, и под его пристальным взглядом в аудитории стало еще тише.

– Сегодня в рамках вводной лекции мы разберем предпосылки основания Королевств и существующих династий. И начать нужно с периода правления последнего императора – Радмонда Вальтура. Напоминаю их герб, он – ключ к пониманию геральдики всех Семи Королевств.

Бергли вывел иллюзию герба. Черный грифон на бордовом фоне. Кристалл в лапах.

У меня резко заныло в виске, а моя интуиция взвыла пожарной сиреной.

– Период правления Последнего императора был настолько жестоким, что потомки постарались вычеркнуть из истории даже его имя – любое неповиновение каралось смертной казнью и население империи при нем сократилось вдвое. Именно поэтому во всех Семи королевствах жизнь человека и мага считается высшей ценностью. В учебниках обычно его называют Кровавый император или Последний император. В билетах к летнему экзамену вопросов по его правлению не будет, можете не переживать, – чуть усмехнувшись, магистр обвел аудиторию взглядом и продолжил, – но для понимания общей картины напомним, что Кровавый император передал престонаследование своим советникам, после того, как его единственный сын, архимаг Малкадор, по официальной версии погиб в результате магического эксперимента.

Боль в виске усилилась. Она стала давящей. Я еле слышала его слова. «А... архимаг Малкадор?» – эхом пронеслось у меня в голове, – «Бергли ведь не мог оговориться?!». В ушах зазвенело. В глазах потемнело, боль в висках нарастала, а потом внезапно в памяти всплыли обрывки мыслей, картинок, слов полезли наружу, рваные и острые. Грифон на двери в подвал. Грифон на книге. Декан Кроун. Ее спокойное лицо. Ее голос: «Позволь мне помочь». Ложь. Это была ложь.

Мне хотелось вскочить и убежать. Но я сидела, вцепившись пальцами в край стола. *«Дыши. Ты должна дышать ровно. Никто не должен заметить!»*

– ...следует отметить, что именно при Последнем им-

ператоре было совершенно множество великих открытий в магии, построены магические акведуки, телепортационные станции, связавшие между собой даже отдаленные участки империи. Все это легло в основу для нынешних торговых путей и политических союзов.

«Официальная версия». У меня заныло в груди. Мой взгляд упал на конспект, и в памяти всплыли строки из той самой старой книги в библиотеке: «...силы объединенного Совета Семи сильнейших хватило лишь на то, чтобы сокрушить физическую оболочку архимага Малкадора...»

– После смерти Радмонда Вальтура почти десятилетие правил Совет, в итоге разделивший империю на те самые королевства, которые мы знаем сегодня. Теперь давайте рассмотрим политику первых лет существования Союза семи королей-основателей с точки зрения международного взаимодействия...

Голова раскалывалась, словно каждое слово Бергли вбивали в нее молотком.

«Союз семи... **КОРОЛЕЙ**?!» – шепотом повторила я и, тут же спохватившись, прикрыла рот рукой, осторожно оглядываясь по сторонам, – *Так вот кто заточил его в подземелье...*». Пока мои одноклассники старательно маскировали дремоту, я сидела, оглушенная собственными догадками: «*Все сходится... «Совет Семи»... «Единственный наследник»... «Исчез... передал власть...» Если его заточили там, в подземельях... То его отец... добровольно ли он пере-*

дал власть?».

Правда, которую я нашла и которую у меня отняли, обрушилась на меня всей тяжестью. Я узнала. Я все узнала тогда. И меня заставили забыть. Теперь воспоминания возвращались, разрывая мозг. Если он освободится, это будет вовсе не хаотичный зомби-апокалипсис из дешевого романа. Это месть низвергнутого правителя. И Академия станет символом всего, что у него отняли.

Меня затрясло от прострелившей боли в висках и вернувшегося страха умереть. Меня охватила волна такого тошнотворного, ледящего ужаса, что пальцы похолодели, а желудок стянуло в узел.

Я не помнила, как лекция закончилась. Я механически собрала свои вещи, движения мои были замедленными, будто я двигалась под водой.

– Ну и скука, – передернула плечами Лиана, с видимым облегчением встряхивая локонами, – Что там у нас дальше, этика?

Они шли рядом и спорили, но их голоса доносились до меня как будто из-за толстого стекла.

– Кесс, ты чего молчишь? – Миа коснулась моего локтя, и я вздрогнула, – ты как думаешь?

– О чем? – сфокусировалась я на них, мысленно отгоняя призраков прошлого.

– Ты что, нас не слушала? – возмутилась Лиана.

Я лишь в оцепенении пожала плечами.

Идти на следующее занятие не хотелось совершенно. Хотелось залезть с головой под одеяло и плакать от осознания масштаба катастрофы. Столько времени я потратила в пустую, изучая биографии сильнейших магов королевства, но кто же знал...

Тем временем мы вышли из корпуса на залитую солнцем площадь между учебными корпусами. Студенты суетились, смеялись, перебрасывались замечаниями, спешили на следующие пары. Жизнь кипела, как ни в чем не бывало.

А я смотрела на готические шпили Академии и видела не школу, а гигантский мавзолей. Внезапно солнечный луч, пробившийся сквозь плотные облака, высветил на стене едва заметный барельеф. Я прищурилась, вглядываясь: грифон с кристаллом в лапах. Как я могла не замечать его раньше? Казалось – это игра света и тени. Но это стало последней каплей. Бежать в библиотеку захотелось еще сильнее – мне нужно было подтверждение, что я не сошла с ума. Я нервно поправила сумку на плече, стараясь унять дрожь в пальцах. *«Надо что-то делать! Нельзя терять ни минуты!»* – пронеслась паническая мысль, – *но я и так привлекла слишком много внимания... Нужно легальное прикрытие. Что-то, что объяснит мой интерес к империи... ОНА не должна узнать, что ее ментальный блок слетел».*

– Девочки, я не пойду на этику, – притормозила я перед входом в учебный корпус.

Две пары изумленных глаз уставились на меня.

– Ты что, прогуляешь пару? – не поверила Лиана.

– А что, я разве никогда не прогуливала пары?

– Прогуливала... но не в прошлом семестре... – Миа не решилась озвучить дальше.

– Все равно никто не заметит моего отсутствия! – как можно беспечнее перебила я ее, – Голова разболелась, пойду... в комнате подремлю немножко!

– Ты серьезно? – почти синхронно они округлили глаза.

– Ну, правда, девочки, голова просто раскалывается, – даже врать не пришлось, в висках словно раскаленная спица торчала.

Девочки растерянно переглянулись, но все же кивнули. Видимо, вид у меня был действительно неважный.

– Мы прикроем, иди! В столовую-то придешь? – деловито уточнила Лиана.

– Там видно будет! – натянуто улыбнулась я, изнывая от желания остаться одной.

Успокоив девочек, я, не теряя больше ни секунды, почти бегом бросилась в сторону преподавательских кабинетов. Как бы мне ни было страшно, я чувствовала потребность сделать хоть что-то, чтобы компенсировать эту потерю времени.

– Магистр Бергли, – начала я, едва переведя дух на пороге его кабинета, – Ваша лекция... она произвела на меня неизгладимое впечатление. Я никогда не интересовалась историей так глубоко, но ваш рассказ об Империи в самом начале...

это было грандиозно!

Он поднял на меня удивленный взгляд. На адреналине я притворялась вдохновенно и с огоньком.

– На общем курсе истории Вы изучали историю Империи, я не сказал ничего нового, – отмахнулся он, но я успела заметить, как на его вечно недовольном лице промелькнула тень улыбки. Лесть сработала.

– Это да, но в этом семестре мы выбираем дисциплину, по которой писать курсовую, и я бы хотела сделать работу, посвященную именно этому периоду, – продолжала я, стараясь звучать максимально восторженно и невинно, – Под вашим руководством, конечно.

Бергли едва заметно приосанился.

– Империя... обширная тема, мисс Тоун, и очень интересная, безусловно. Я подберу Вам наиболее выигрышную тему, с которой можно будет даже подать работу на конкурс, если, конечно, она будет выполнена на достойном уровне, – в его голосе проскользили мечтательные нотки, – Как насчет... «Особенности архитектуры...», нет... не то... Вот! «Роль системы магического водоснабжения в становлении Империи Вальтуров»? – предложил он, наконец, с горящими глазами, – Вполне академично. Изучение акведуков, гидромантии, инженерной мысли.

Я чуть не скрипнула зубами. Водоснабжение! Эта тема имела с моими поисками общее только хронологические рамки. Но я видела по его глазам, что спорить бесполезно.

– А может все-таки про архитектуру тех лет... – попыталась я предложить свое, но замолчала, увидев, как опускаются уголки его губ.

– Ну, хорошо, – было заметно, что он недоволен, – пусть будет один параграф про влияние развития водоснабжения на архитектуру. В конце концов, после технологического прорыва тех лет стали строить более высокие здания и крепости стали меньше зависеть от особенностей ландшафта...

– Это... звучит увлекательно, магистр! – я заставила себя улыбнуться, – Я с радостью займусь этой темой! Можно мне оформить пропуск в архив академии? Я хочу собрать максимально возможный объем информации...

– Похвально! – расплылся он в улыбке, – Я оформлю все необходимые документы, думаю, в начале следующей недели Вас уже пропустят в архив.

– В начале следующей недели... – повторила я, изо всех сил пытаясь не выдать своего разочарования, – Спасибо большое!

Наконец, вернувшись к себе в комнату, я прислонилась к закрытой двери. Дыхание сбивалось. Паника накрыла с новой силой. *«Теперь понятно, что за кошмары меня преследуют... Тетрадь. Где моя тетрадь? Я должна ее найти!»*

Я упала на колени перед столом. Руки дрожали. Я дергнула нижний ящик, но его заклинило. Я плакала от злости и беспомощности, снова и снова дергая его. Потом полезла под стол, царапая пальцы о дерево, нащупала ногтями щель под

дном ящика, подцепила что-то тонкое и потянула на себя. С глухим звуком отодвинулась фанера, и на пол упала тетрадь.

Дрожащими руками я прижала ее к груди, чувствуя под пальцами шероховатые края потрепанной обложки. *«Вот оно, доказательство! Я не сошла с ума, – билось в голове, – Я все поняла правильно! И все это у меня отняли...»*

Сидя на полу, я лихорадочно перелистывала страницы, на которых я писала все, что помнила об изначальном сюжете, все свои догадки и опасения. На последнем листе было написано: «ЭЛОРА КРОУН». Я думала, ей можно доверять, но как же я ошиблась! Перед глазами пронеслись воспоминания нашего с ней разговора: *«Она ведь не выглядела удивленной... Почему меня это не насторожило тогда?!»*

Эмоции душили меня. Страх. Ярость. Отчаяние. У меня было целых полгода! Я ведь обо всем догадалась! А она велела мне это забыть... Я тихо плакала, лежа на полу, и горячие слезы катились по вискам, обжигая кожу.

«Спокойно, – уговаривала я саму себя, – В той дрянной книжонке, внутри которой я угодила, лича и его армию нежити в итоге сокрушит Лорейн, ректор и куча других сильных магов. От меня требуется лишь помочь им и при этом выжить...». Но почему-то верилось с трудом.

Я не помнила, как прошел остаток дня. Словно сомнамбула, я, заварив себе чай, забралась с ногами в кресло. Все мои планы, все мои попытки как-то подготовиться выглядели теперь такими нелепыми и наивными. *«Зависит ли от*

меня хоть что-то или же это самообман и попытка почувствовать себя всесильной? Как жаль, что та книга была написана от лица Лорейн, и в ней было так мало действительно важных деталей. Уже сейчас далеко не все совпало с прочитанной книгой: тот же Аррис и девочки, которых вообще не было в оригинальном сюжете, Эдвард, который пригласил меня, а не Лорейн на бал. А что, если они не смогут остановить лича, выпущенного на свободу? – меня терзали сомнения с каждым днем все больше, – Если в прошлом его пленили СЕМЬ БУДУЩИХ КОРОЛЕЙ, хватит ли мощи у горстки студентов и преподавателей?»

Стемнело, но я не заметила этого. Поздно вечером меня нашли в комнате девочки. Я сидела, уставившись в кружку с остывшим чаем, ловя обрывки разговора девочек лишь краем сознания. В голове гудело. Малкадор Вальтур. Наследник престола. Преданный и заточенный. Эти слова стучали в висках навязчивым, зловещим ритмом.

– Кесс, ты нас вообще слышишь? – Лиана щелкнула пальцами у меня перед носом, – Я спрашиваю, что с тобой?

Я вздрогнула.

– Прости... Голова что-то раскалывается.

– А чего в лазарет не сходишь? – удивилась Миа, аккуратно забирая у меня из рук кружку с недопитым чаем.

– Может все как-то само пройдет, – простонала я, имея в виду далеко не головную боль.

– Давай принесу от головы? – деловито предложила Вики,

хлопая меня по плечу.

– Не переживайте, – выдавила я из себя, – я просто устала... лягу пораньше, все пройдет.

– Устала? Но семестр... – растерянно начала было Миа, но девочки тут же зашикали на нее.

– Кесс, – Вики присела на корточки и встревожено заглянула мне в лицо, – ты ведь помнишь, что можешь с нами абсолютно всем поделиться, да?

Я медленно перевела на нее взгляд. Она выглядела по-настоящему встревоженной.

– Спасибо, Ви, – я подняла глаза на Лиану и Мию, – спасибо, девочки! Я правда просто очень устала...

– Так, ладно, – Вики резко вставала и взяла растерянных девочек за предплечья, – девочки, пойдемте, – она потащила на буксире их на выход, и, обернувшись на пороге, покачала головой, – Кесси, я сегодня планирую лечь очень поздно. Если надумаешь – приходи.

– Спасибо... – прошептала я, изо всех сил сдерживая слезы.

Их забота была искренней, теплой, и от этого становилось еще горше. *«В той книге девочки вообще не упоминались. А что, если они тоже погибли? А я потратила в пустую почти половину прошлого семестра, изучая биографии величайших магов прошлого, а оказалось вон оно что... Все, что я могла узнать из книг открытого отдела – уже прочитано. Бергли оформит допуск в архив, и я смогу изучить все, до*

чего дотянусь, но... кажется, мне все же нужна помощь».

Первым в голову пришел, конечно, Аррис. Его поддержка, опыт и знания... В прошлом семестре было несколько моментов, когда я была готова открыть ему часть правды, но теперь между нами лежало это ледяное молчание. Я смахнула очередную слезу. Бежать за тем, кто так явно отдаляется? Я могла бы переступить через себя, если бы была уверена в его реакции. Но, кажется, если я приду к нему сейчас и выдам всю эту историю, все свои выводы и опасения, это может выглядеть как фантазия в попытке привлечь его внимание.

Значит, искать союзника нужно в другом месте. Бергли. Если подойти к нему под правильным соусом – как пытливый ум, обнаруживший что-то, что не укладывается в официальную версию, при работе над курсовой...

Время еще было, успокаивала я себя. Лорейн даже не перевелась к нам. Еще есть несколько месяцев. Эта мысль была слабым, но утешением.

Всю ночь я почти не сомкнула глаз. Обрывки лекции Бергли, ворчание библиотекаря и леденящий образ Императора-Лича кружились в голове, не давая заснуть. Наутро я была разбита, нервы оголены до предела.

– Эээ... Кесси... выглядишь ужасно, – констатировала Вики за завтраком, окинув меня критическим взглядом, – Ты вообще спала?

Я лишь мрачно покачала головой, отодвигая тарелку с овсянкой. Аппетита не было. Подруги переглянулись в тревож-

ном молчании.

– Может все-таки обратишься в лазарет? – осторожно предложила Миа, и Вики, и Лиана сочувственно кивнули, соглашаясь с ней.

– Если до конца дня не пройдет – схожу, – пообещала я, лишь бы отстали.

Глава 3.

Я сидела на парах, мысленно прикидывая план действий. Волна мысленной паники, наконец-то, закончилась, уступив место энергичной решительности. *«Мне нужно найти хоть какие-то зацепки, чтобы обсудить с Бергли не «пророчество», а реальные опасения. Может я смогу остановить Лорейн ДО того, как она его освободит? Значит нужно поискать указания о расположении входа в подземелье – попадет же туда Лорейн как-то. Кстати, про «попадет»... даже если я найду первой этот вход, не могу же я разбить палатку напротив него... Значит, нужен какой-то такой артефакт, который мне даст знать, что дверь в подземелье открылась... – я постукивала кончиком пера по пергаменту в такт своим мыслям, даже и не думая записывать лекцию, – Артефакт... Еще было бы неплохо выяснить, какие артефакты существуют в этом волшебном мире – и атакующие, и защитные, – я бросила мимолетный взгляд на свой браслет, – Пора бы уже возобновить самостоятельные тренировки...».*

Мысли о том, чтобы искать встречи с Аррисом, я отогнала на подлете. Его отстраненность после поцелуя и молчание вот уже почти три недели – красноречивейший ответ на все мои иллюзии. *«Еще не известно, как бы поступила я сама, если бы мне признался в любви мой ученик», – горько*

усмехнулась я, и тут же некстати вспомнила, что здесь я уже совершеннолетняя, а разница в возрасте с Аррисом в этом магическом мире долгожителей не такая уж и большая. *«Погрустили и хватит, – я решительно отмахнулась от этих глупостей, – пора уже брать себя в руки. Времени в запасе мало, но оно еще есть!».*

– Эй, Кесс, – внезапно на ухо шепнула Лиана, – ты что не пишешь? – она округлила глаза, взглядом выразительно указывая на пергамент, лежащий передо мной. Только сейчас я заметила несколько небольших клякс и абстрактные узоры, которые я выводила, задумавшись, вместо лекции.

– Задумалась, – искренне пожала плечами я. В свете последних событий все это казалось совершенно незначительным.

В тот же вечер я вновь обнаружила на своем столе конверт с лаконичной запиской:

«Кассандра

Прошу зайти ко мне в кабинет завтра после занятий.

А. Р.».

Что ж, значит пришло время расставить точки над «и». Хочет он этого или нет, но я задам вопрос «в лоб». Мне не нужна изматывающая неопределенность. На всякий случай, я взяла с собой тот самый трактат в коричневой обложке – если все-таки окажется «нет», я верну ему его «подарок» и

уйду. Я уже выписала все, что могло бы пригодиться и не собиралась оставлять этот фолиант у себя, как напоминание моих наивных надежд.

Ровно в назначенное время я вошла без стука, тут же ощутив аромат его древесного одеколона. Он сидел за своим столом, но не работал, а словно ждал. На краю стола стояла маленькая фарфоровая тарелка с аккуратной горкой тех самых трюфельных конфет с начинкой, что я люблю. Рядом – две керамические кружки с темно-синей глазурью, из которых мы всегда пили чай.

– Кассандра, – он поднялся, и его взгляд на секунду задержался на мне, прежде чем опуститься на книгу в моих руках, – Хорошо, что пришла. А зачем трактат с собой взяла? Были непонятные места? Я думал, сразу перейдем к обсуждению следующей части?

«*Все-таки конец...*» – сделала я вывод. Обсуждать книги – это последнее, чего бы мне хотелось в тот момент.

Я хотела начать с главного, но слова комом застряли в горле. Вместо этого я услышала, словно со стороны, свой голос:

– Добрый день. Нет, все было понятно. Спасибо. Но... я не уверена, что должна оставлять его у себя.

Он посмотрел на книгу, потом на меня, и на его лице мелькнуло неподдельное удивление.

– Почему? – в его голосе мелькнула отчетливая нотка недоумения, – Это был подарок. Я специально подобрал его для тебя, зная твой интерес к тактике.

– Вот именно, – я сцепила пальцы в замок, стараясь говорить ровно, – Я не понимаю, как мне это воспринимать.

Он нахмурился, словно эта мысль казалась ему нелепой.

– Кассандра, – сказал он мягко, – это всего лишь книга.

– Для тебя, – ответила я после короткой паузы, – А для меня – нет. Я не понимаю, что ты в нее вкладывал. Просто научный интерес? Знак внимания? Что?

Он вздохнул и жестом указал на стол.

– Я хотел порадовать тебя и выбрал то, что тебе будет интересно. Я заварил чай, который ты любишь. Купил шоколад. Хотел поговорить, узнать, как у тебя дела, как прошли каникулы. Разве в этом есть что-то странное?

– Аррис, – я покачала головой, – мне кажется, мы с тобой по-разному понимаем то, что происходит.

– Ты все слишком усложняешь, – махнул он рукой, – Мы всегда так общались.

Это «всегда» задело. Его слова, которые, вероятно, должны были звучать заботливо, прозвучали для меня как издевательство.

– Не совсем, – я покачала головой, едва сдерживая свои эмоции, – Раньше ты не избегал меня и не исчезал на недели. И раньше мы не целовались, – добавила я чуть тише.

Он на мгновение задержал взгляд, словно собираясь что-то сказать, но затем отвел глаза.

– Это был... непростой период, – произнес он, наконец, – Я не избегал тебя. У меня действительно были дела. Но я

думал о тебе!

– Возможно, – стараясь скрыть дрожь в голосе, согласилась я, – Но твое письмо было таким формальным, будто между нами вообще ничего не произошло! – я посмотрела на книгу, затем снова на него, – Так зачем ты подарил ее мне?

– Потому что счел это уместным, – его голос оставался спокойным, и это бесило.

– Ничего больше? Хорошо, – я держала лицо, но мой голос на мгновение дрогнул, – я скажу прямо: мне непонятно, что происходит между нами... Кто мы друг другу? Наставник и ученица или все же... что-то большее?

– Но это же очевидно?! – в его голосе прозвучало явно раздражение, – Если бы между нами ничего не происходило, я бы не искал твои любимые конфеты по всему Сторхолду! – Он придвинул книгу в мою сторону, как будто этот жест мог что-то исправить, – Давай попьем чай, поболтаем? Как раньше. Садись уже, наконец!

Он запнулся, явно ища новую тему.

– Кстати... откуда у тебя на руке браслет Стража?

Вопрос был такой же неуклюжий и невпопад, как все в этом разговоре.

– Ты серьезно? – то, как он упорно не отвечал на мой вопрос, выбешивало меня все больше и больше, – Отец подарил, но это неважно! Важно то, что ты...

– Кассандра, всегда важно, что на тебе надето! – его тон стал строгим, а в его взгляде я увидела раздражение, – Такие

вещи вовсе не для красоты, их не носят просто так!..

– Я в курсе! – зло перебила я его, – Но ты пропал почти на три недели, а теперь тебя интересует мой браслет? Серьезно?

– Но же это не значит, что я не думал о тебе! Я скучал.... приготовил все это для тебя, – нахмурившись, он взял тарелку с шоколадом и протянул ее мне, – это же твои любимые!

Этот жест, такой простой и такой абсолютно не соответствующий ситуации, стал последней каплей.

Его спокойный тон и этот шоколад окончательно вывели меня из себя. *«Этот тупой разговор пошел по кругу... Куда подевался тот взрослый мужчина, с которым можно было обсудить все на свете?!»* – пронеслась злая разочарованная мысль.

– Я не хочу твой шоколад, Аррис! – истерично вырвалось у меня, и голос сорвался на крик, – Мне не нужны твои формальности и твои полумеры! Мне нужно, чтобы ты, наконец, сказал что-то прямо! Что ты чувствуешь? Что происходит между нами? Чего ты от меня хочешь, в конце концов?!

Он обхватил голову руками, взъерошил волосы и поднял на меня глаза с самым страдальческим выражением лица. На его щеках проступал румянец.

– Кесси, в прошлом семестре ты была моей ученицей, поэтому как бы мне ни хотелось... – сбивчиво прошептал он, постепенно повышая голос, – я просто не мог, не имел права, ты это понимаешь?! И про Бал я спрашивал не просто так! Ты помнишь, что ты мне ответила? Поэтому книга – это про-

сто книга, а записка – просто записка, разве не очевидно? – он говорил все громче с каждой фразой, – Но сейчас я больше не твой наставник, и я хотел... увидаться. Убедиться! – он вскочил и почти кричал, – Я скучал! Что тут непонятно-го?! Купил твой любимый шоколад, заварил твой любимый чай! Я думал, ты поймешь! – он рухнул на стул и добавил тихо-тихо, – Ну, почему ты так реагируешь?

– Потому что нет, я не понимаю! – заорала я в ответ, – Ты пишешь мне записку «приходи», готовишь мне угощение, говоришь, что скучал, но что все это значит, Аррис? Ответь уже, наконец! Кто я для тебя?

– Но я же только что... Разве мои действия не говорят сами за себя громче любых слов? По-моему и так все понятно... – в его глазах читалась искренняя, неподдельная растерянность.

– Понятно? И так все понятно?! Ничего не понятно! Ты – самое непонятное, что случилась со мной в этой жизни!

Мой взгляд упал на синюю кружку – из нее я всегда пила чай во время наших вечерних разговоров. Схватила ее и с силой швырнула в каменную стену кабинета. Хрупкая керамика разбилась с оглушительным, сухим треском, чай выплеснулся широкой дугой, растекаясь по доскам уродливыми разводами, а осколки, звеня, разлетелись по полу.

– Вот что я думаю о твоём «понятно»! – меня трясло от бешенства и обиды, и горячие слезы, наконец, хлынули из глаз, – Я не хочу гадать! Я не хочу расшифровывать твои

знаки внимания, как в прошлом семестре! Я хочу слышать слова! Простые, человеческие слова!

Он встал. Его движение было резким, стул отодвинулся с неприятным скрипом.

– Зачем ты это сделала? – тихо, почти беззвучно спросил он, – Эта кружка... она же была твоей. Ты пила из нее...

– Потому что я не могу больше! – прошептала я, чувствуя, как силы окончательно покидают меня, и я готова была рухнуть на пол среди этих осколков, – И если ты не можешь или не хочешь сказать мне этого прямо, то просто... отпусти меня!

Слезы текли по моим щекам, но я уже не пыталась их смахнуть, а в ушах стоял оглушительный звон. Развернувшись, я пошла прочь, и уже потянула дверь на себя, когда сзади раздался звук торопливых шагов. Прежде чем я успела понять что-либо, его руки схватили меня за плечи, резко развернули и с силой прижали спиной к двери.

– Не уходи, – его голос был низким, хриплым, – Никуда не уходи.

И прежде чем я успела хоть что-то ответить, его губы захватили мои в порывистом, яростном поцелуе. Я ответила почти сразу – резко, зло. Мои руки сами нашли его плечи, вцепились в ткань и сжали ее до боли в пальцах. Аррис прижимал меня к себе так, словно недопонимание, разделившее нас, крылось именно в этих миллиметрах.

– Теперь ты чувствуешь, что я к тебе испытываю? – про-

шептал он, большими пальцами осторожно стирая с моих щек остатки слез, когда мы, наконец, оторвались друг от друга и стояли в обнимку, тяжело дыша.

«Он так ничего и не понял!»— горькое осознание затопило разум, выжигая все остальные эмоции. Но злые слова застряли в горле, потому что в его глазах я вдруг увидела нежность и что-то такое, на что все еще было страшно надеяться. Я медленно отстранилась и оправила одежду, подбирая слова.

— Аррис, — наконец, вздохнула я, всматриваясь в его непривычно покрасневшееся лицо, — для меня очень и очень важно, чтобы ты сам, своими словами дал название тому, что ты ко мне испытываешь.

Он отступил, явно разочарованный.

— Но я же уже сказал... — пробормотал он недовольно, и сжал кулаки, постепенно повышая голос и переходя на крик, — Да сколько можно-то, а?! Ну, не умею я слова красивые говорить! Я такой — какой есть! Может тебе другой человек просто нужен? Не я?

— Ты сказал, что скучал. Ты сказал, что хочешь, чтобы я не уходила, — согласилась я тихо, — Я тоже не хочу уходить! Но мне необходима ясность, а не как в прошлом семестре... — я посмотрела ему в глаза и покачала головой, — как раньше не будет в любом случае... — и, не давая ему времени для ответа, я выскользнула за дверь.

Глава 4.

Следующий день был выходным, но когда я проснулась, мой взгляд зацепился за нечто необычное: на письменном столе лежал конверт. Судя по всему, его доставил магический вестник – и при том явно доставил ночью.

Мысль вспыхнула молнией: «родители не стали бы отправлять письмо в столь ранний час. Может, это...» – не додумав, я вскочила, краем одеяла чуть не сбив прикроватную тумбочку, и метнулась к столу. От волнения руки дрожали, и я не сразу смогла вскрыть конверт. Наконец, я развернула послание.

«Кассандра!

Я не умею говорить о таких вещах. Но ты для меня важна. Нужна мне. Если тебе так хочется дать название моим чувствам, пусть будет «важность» или «нужность». Выбери слово сама. Оно все равно будет неточным.

А.Р.»

Я перечитала. Медленно. Еще раз.

Горькая волна накатила сразу: «предложил мне на выбор... если тебе так хочется...». Яоткинулась на спинку стула, сжимая записку в пальцах. В глазах защипало: «Все зря. Он так ничего и не понял.»

Но потом, уже машинально следя взглядом за его углами,

тым, четким почерком, я вдруг заметила то, что пропустила с первого раза. Буквы в словах «важна» и «нужна» были выведены с таким нажимом, что перо едва не прорвало бумагу. А в конце, перед «А.Р.», стояла не точка, а маленькая, почти неуловимая клякса – будто он замер над строкой, не зная, как закончить, и чернила сами стекали с пера.

«Капитуляция?» – вспыхнула в голове робкая догадка, – Капитуляция человека, словарный запас которого в сфере чувств ограничивался словами «долг» и «контроль»? Тогда, может, для него «важна» и «нужна» были не уклонением, а максимальным вывертом души наизнанку, пределом его искренности? Он не умеет говорить о любви, но он написал «нужна», продавив бумагу?...»

И тогда – не сразу, а через долгую минуту тишины, пока за окном светало – что-то внутри перевернулось: он пытался! Он, который считал все это «и так понятным», сел и написал. Честное, неуклюжее, но, видимо, максимально возможное для него признание своих чувств. И этот ответ принадлежал только мне.

Сначала глупая улыбка тронула уголки губ. Я перечитала записку трижды, пока эти угловатые строки не отпечатались намертво в моей голове, и тихо счастливо рассмеялась, прижав записку к груди. Он нужен мне. Я важна ему...

Выходные я провела в странном, почти болезненном состоянии внутренней раздвоенности. С одной стороны, его отчаянный шепот «Не уходи», тот поцелуй и теперь эта за-

писка... ставшие тем самым прямым ответом, которого мне так не хватало в прошлом семестре. Моя душа пела и предвкушала романтику, а с другой стороны, внутренний голос верещал, не умолкая: *«Опомнись! Это все влияние сюжетного тропа дешевого романа, в котором ты можешь сдохнуть, если будешь тратить время зря! Ты целуешься, пока под твоими ногами спит тот, кто может стереть этот мир в порошок!»*, но глупое сердце так хотело хотя бы капельку счастья...

«В любом случае на появлении отношений не заканчивается моя собственная жизнь, как и не отменяются планы по спасению мира, – уговаривала я саму себя, – А если я смогу подобрать слова и аргументы, то он точно сможет предотвратить местный конец света...».

Сохранять трезвость сознания, когда душа упрямо пела от счастья, оказалось невероятно сложно, и если в выходные мое воздушное настроение совпадало с настроением девчонки, то в понедельник оно оказалось уже излишним. Так, на алхимии мы работали над эликсиром «Эликсира ясности ума» – как раз то, чего мне так не хватало в последнее время. *«Ровно минута, затем добавить пыльцу, затем еще минута»*, – мысленно повторяла я, включая магическую горелку под колбой.

И тут из-за спины донесся возглас магистра Батчера, обращенный к Дугласу:

– Куда Вы столько насыпаете, мистер Джонсон?! Это ка-

тализатор, а не шоколадная крошка – принцип «чем больше, тем лучше» здесь не работает! – Его фигура в заляпанном фартуке мелькнула в поле моего периферийного зрения, и почему-то вспомнились мои любимые конфеты на его столе...

«*Черт, соберись!*», – сурово одернула я саму себя, и трянула головой, пытаясь сбросить наваждение. Я добавила нужное количество пыльцы. Засекла время на песочных часах. Все шло по плану. Раствор начал менять цвет с мутно-белого на нежный золотистый. Я уже мысленно похвалила себя, но тут мой взгляд случайно скользнул по собственному запястью с тяжелым защитным браслетом. «*Интересно, у Арриса тоже есть такой?* – пронеслось в голове совершенно неуместное воспоминание, – *А если есть, почему он его не носит? Ему бы пошло...*». Я представила, как подобный браслет смотрелся бы на его широком запястье, и тут же, будто наяву, ощутила его руки на своем талии, его дыхание на своей шее...

– Мисс Тоун!

Резкий голос магистра Батчера врезался в мои грезы, как нож в масло. Я вздрогнула и с ужасом посмотрела на колбу. Раствор, который по всем канонам должен был быть прозрачно-золотистым, стал темно-коричневым и издавал резкий запах горелой травы и серы. Песочные часы на столе давно пересыпались, но я совершенно этого не заметила.

– Так, так... – над моим столом возник магистр Батчер.

Он не смотрел на меня с укором, а с профессиональным интересом вглядывался в колбу, почесывая щетинистый подбородок, – Любопытно... Очень любопытно! Побуревший осадок, красноватые блики...

Потупившись, я лишь вздохнула, чувствуя невольный румянец. *«Докатилась... А еще собралась мир спасать...»* – горько пронеслось в голове. Он взял колбу, аккуратно взболтал ее, наблюдая, как густая масса медленно оседает.

– Видите? Превышение времени выдержки привело к частичному восстановлению до металла. И пыльца, бедняга, не выдержала – разложилась, – Он поставил колбу обратно и встревожено заглянул мне в глаза, – Ну, как же так? Как же так? Вы же демонстрировали стабильный, я бы даже сказал, блестящий прогресс весь прошлый семестр, мисс Тоун!

– Я исправлюсь, магистр Батчер, – тихо, но твердо ответила я, встречая его взгляд.

– Давайте-давайте! Я в Вас верю, Тоун! – он подмигнул мне и отправился дальше между столами, оставив меня наедине с моим провалом и чувством легкого стыда.

Пока я отмеряла новую порцию реактивов, из-за соседнего стола донесся знакомый насмешливый голос:

– Эй, Кесс, если хотела и этот семестр начать с энциклопедического взрыва, нужно было дольше держать на огне!

Я отложила реактивы и повернулась к нему, не в силах сдержать улыбку. Эдвард, облокотившись на руку, смотрел на меня с беззаботным выражением лица, а перед ним дыми-

лась не менее печального вида колба. На его запястье красовался браслет, практически идентичный моему, и будто специально рукава были закатаны так, чтобы ничто не скрывало его.

– Что ж ты сразу не сказал? Буду иметь в виду, Эд! – подмигнула я ему, но мой взгляд упорно соскальзывал обратно на его руку.

– Вот и отлично! В следующий раз устроим соревнование, чья колба громче взорвется! – тихо рассмеялся он, и его темные глаза весело блеснули.

– Так на нас колб не напасешься, – с усмешкой фыркнула я в ответ, – А, кстати... что это у тебя? – не удержалась я от вопроса, указывая взглядом на его запястье.

Эдвард театрально округлил глаза, будто только сейчас заметив тяжелое украшение на собственном запястье. Он поднял руку, повертел ею, делая вид, что изучает браслет с любопытством.

– А, это? Да так, в выходные подвернулась возможность приобрести. Совершенно случайно, – он поймал мой взгляд, полный неверия, и едва заметно подмигнул, понимая, что я его раскусила, и, кажется, получая от этого искреннее удовольствие.

– Поздравляю с удачным приобретением! – улыбнулась я, мысленно усмехнувшись: *«Совершенно случайно? Артефакт Стражей он купил совершенно случайно, ага, конечно! Еще скажи, что нашел его в первой попавшейся лавке маги-*

ческих безделушек, а не перекупил у какого-то стража, вышедшего на пенсию, которого еще найти нужно!».

Внезапно раздался громкий свистящий шепот Мии:

– Эй, Кесс, можешь помочь?

Оборачиваясь к ним, я успела заметить краем глаза, как Дуглас на долю секунды обернулся в нашу сторону и, тяжело вздохнув, тут же отвернулся обратно.

В голове тут же родилось решение тайком поговорить с Дугласом. Все эти дни я наблюдала за молчаливо грустившей Мией. Дуглас выглядел не лучше – в столовой, на занятиях он сидел с отсутствующим мрачным видом, практически не смеясь над шутками Эдварда. На фоне моего собственного, пусть и тревожного счастья, их разлад заставлял сердце сжиматься от сочувствия.

Тем же вечером, выбрав момент, я, отговорившись перед подругами срочной необходимостью, сбежала из столовой и догнала Дугласа на протоптанной в снегу дорожке, ведущей к общежитию.

– Дуглас, можно тебя на минуту?

Он медленно обернулся, надвинув капюшон мантии пониже, защищаясь то ли от холодного ветра, то ли от посторонних взглядов.

– Чего тебе? – настороженно буркнул он. Его обычная веселая бесшабашность куда-то испарилась, плечи были ссутулены.

– Есть разговор, – я отвела его в сторонку, под сень огром-

ной заснеженной ели, чьи ветви создавали некое подобие тихого снежного шатра.

– Слушай, я понимаю, что это не мое дело, но выслушай, пожалуйста... – аккуратно начала я, – я вижу, как страдает Миа. И я вижу, что ты тоже не в своей тарелке...

– Она тебе что-то сказала? – перебил он меня, впившись взглядом мне в глаза.

– Нет. И в этом вся проблема. Она просто молчит и грустит. А когда молчат такие, как она, – это хуже любой истерики. – Я сделала паузу, давая ему возможность прервать разговор. Он молча нахмурился и чуть отвернулся, засунув руки в карманы. Но не ушел. И я продолжила.

– Если в целом ты еще планируешь с ней отношения, то вот мой непрошенный совет: поговори уже с ней. Лучше высказать все претензии в лицо, даже накричать друг на друга, чем как у вас сейчас. Пойми, чем дольше вы молчите, тем сильнее трещина между вами. Она не побежит за тобой и не подойдет первой, ведь ты сам ей говорил, что не любишь навязчивость.

Пока я говорила, его лицо менялось от недовольства до страдальческой задумчивости.

– Эд мне тоже говорил что-то такое, – со вздохом тихо признался он, подставляя ладонь под падающие снежинки, – Просто... с ней я вижу каждый день, а с друзьями – дважды в год! – он нервно повысил голос, и я услышала, как проскользнула жалобная нотка, – А она!.. Неужели не понятно?!

– Понятно?! – взбесилась я и, тут же спохватившись, заставила себя снова говорить спокойно, – Нет, Дуглас, это так не работает... – покачала я головой, – пока ты открыто не озвучишь – совершенно не понятно и не очевидно, поверь!

Видимо, он не ожидал подобных эмоций – резко обернувшись, он пристально посмотрел мне в глаза. Прищурившись, я медленно кивнула и добавила:

– Неважно, кто начал ссору. Просто поговори.

– Я подумаю, – проворчал он и, не прощаясь, побрел дальше, к огням общежития. Я задумчиво смотрела ему вслед. По крайней мере, я попыталась. А теперь можно и самой идти... к Нему.

Глава 5.

Глубоко вздохнув морозный воздух, я набралась смелости и без каких-либо предварительных записок и приглашений направилась к его кабинету. Сердце бешено колотилось, отдаваясь глухим, быстрым стуком в висках.

Помявшись у тяжелой дубовой двери, чувствуя, как ладони становятся влажными, я, наконец, постучала. Из-за двери послышалось сдержанное привычное: «Войдите».

Он сидел за столом, склонившись над какими-то бумагами. При свете настольной лампы его лицо казалось еще более резким, а тени под глазами – более глубокими, будто он и правда не спал несколько ночей. Увидев меня, он замер на секунду, затем медленно, почти церемониально, отложил перо. И тут же, словно сорвавшись с цепи, стремительно пересек кабинет. Прежде чем я успела хоть что-то сказать – ни приветствия, ни оправдания своего визита – его руки обхватили мое лицо, а губы нашли мои, и в этом долгом поцелуе было все: и приветствие, и обещание, и отчаянная, жадная нежность, от которой все мои мысли и планы испарились.

Остановившись, он не отпустил меня, а лишь заглянул в мои глаза, словно ища в них подтверждения чему-то очень важному, и тут же снова привлек к себе, на этот раз просто крепко, почти до хруста в костях, обняв. Я уткнулась лицом ему в грудь, чувствуя запах его древесного одеколона, кожи и

чего-то неуловимо родного. Я слышала его учащенное сердцебиение, идеально повторяющее мой собственный ритм.

– Ну что? – тихо, прямо над моим ухом, прошептал он. От его хриплого голоса по коже вновь побежали мурашки, – Тебе еще нужны какие-то подтверждения?

В его тоне не было вызова или упрека, только мягкая, почти усталая нежность.

– Пока достаточно, – выдохнула я с улыбкой.

– Наконец-то, – он выдохнул это слово, словно сбросив с плеч тяжелый, невидимый груз, и его объятия стали чуть менее напряженными. Он не отпускал меня еще несколько долгих секунд, просто прижимаясь щекой к моим волосам, и я чувствовала, как внутри все сладко сжимается от невероятности происходящего.

– Давай отметим это? – продолжил он, чуть улыбнувшись, – Я приглашаю тебя в «Серебряный нож». Там есть отдельные кабинеты, и мы просто придем туда порознь и уйдем так же. Нам пока что нельзя появляться вместе, ты же понимаешь... Твоя репутация... Но я что-нибудь придумаю!

– Понимаю, – вздохнула я, но тут же улыбнулась, – Хорошо! Я, правда, понимаю...

Он тут же снова притянул меня к себе – уже не с той лихорадочной жадностью, а с тихой, уверенной нежностью. И в этом поцелуе я, наконец, почувствовала, что у нас все только начинается.

На следующее утро я механически ковыряла ложкой в та-

релке с овсянкой, мыслями полностью находясь там, в полумраке его кабинета, в круге света от настольной лампы. На губах до сих пор жило прикосновение его губ, чуть шершавых, но невероятно теплых и умелых. По телу разливалось тепло, стоило лишь вспомнить, как его руки, сильные и уверенные, прижимали меня к себе. Я ловила себя на том, что улыбаюсь своим мыслям, как полная дура, и тут же пыталась придать лицу серьезное выражение, оглядываясь, не заметил ли кто.

«*Черт,* – пронеслось в голове, смешиваясь с сладким головокружением, – *что же я натворила?*». Но следом за минутной паникой накатывала новая, пьянящая волна, смывающая все трезвые мысли. А потом, как ледяной душ, приходило осознание реальности. Счетчик, тикающий где-то в глубине сознания, отсчитывал месяцы до приезда Лорейн и начала конца, а я эгоистично растворялась в серых глазах своего наставника. Это было безрассудно и ужас как несвоевременно, но... «*Время еще есть, я все успею,* – успокаивала я себя, – *я готовилась весь прошлый семестр, и осталось только найди чертов вход в подземелье раньше Лорейн, которая даже еще не приехала, чтобы потом просто не дать ей туда попасть! Насобираю подозрительных фактов, укажу Аррису на дверь, а он сообщит ректору, и все! Может до лича даже и дело не дойдет! Так что это даже хорошо! Вот кому Аррис больше поверит? Своей девушке или...».*

– Кесси? Эй, Кесси!

Я вздрогнула и, подняв голову, увидела, что Лиана, Вики и Миа смотрят на меня с одним и тем же выражением – смесью живейшего любопытства, беспокойства и веселья.

– Ты сегодня вообще с нами? – уточнила Вики, скептически приподняв свою идеально очерченную бровь, – Я уже в третий раз спрашиваю, передашь мне соль, или нам придется послать за ней экспедицию с проводниками и запасом провизии на месяц?

– А? Да, конечно, прости, – я потянулась к солонке, но мои пальцы снова замерли в воздухе, потому что в дверях столовой мелькнула знакомая высокая фигура в строгой темной мантии. Сердце провалилось куда-то в пятки, а затем выпрыгнуло в горло, бешено заколотив, как сумасшедшее. Он стоял, о чем-то коротко и деловито разговаривая с магистром Бергли, и его профиль в потоке утреннего света, падающего из высокого витража, казался абсолютно сказочным.

Раздался дружный, многозначительный вздох. Три пары глаз уставились на меня с неподдельным, хищным любопытством.

– Ну, все понятно, – с торжеством в голосе констатировала Лиана и, облокотившись на стол так, что ее роскошные белокурые локоны чуть не утонули в овсянке, подмигнула мне, – Кто он, рыжая? И не вздумай отнекиваться! До этого ходила грустила несколько дней, а вчера и сегодня выглядишь так, будто тебе подарили не просто фабрику по производству шоколада, а целую планету, им же и названную.

– Я... я просто не выспалась и задумалась, – слабо попыталась я выкрутиться, чувствуя, как по щекам во всю разливается жаркий румянец, выдающий меня с головой.

– Не хочешь – не говори, – нахмурилась Вики.

– Да брось, – фыркнула Лиана, – На невыспавшихся это не похоже. На влюбленных – еще как. Так что, выкладывай. Мы же подруги! Мы волнуемся!

– Кесс, ну, расскажи! – с восторгом подключилась Миа, явно представляя себе какую-то возвышенно-романтическую историю из тех книг, что она обожала. Ее собственные проблемы с Дугласом будто бы отошли на второй план перед этим новым, захватывающим сюжетом, – Это Эдвард? – прошептала она одними губами.

– Что? Нет! – Я чуть не поперхнулась куском хлеба.

– Значит если не Эд... – с хитрой, довольной улыбкой протянула Лиана, словно сыщик, напавший на след, – Тогда круг сужается. Например, кто-то, с кем неловко появляться на людях. Скажем, мужчина постарше. Значительно. Или... преподаватель. Молодой, конечно, – она подчеркнуто посмотрела в сторону двери, где только что стоял Аррис, – Скажи честно, Кесс? Ты же весь прошлый семестр пропадала у мастера Ройса на индивидуальных занятиях. С таким наставником я бы тоже не отказалась позаниматься...

– Тише ты! – я шикнула на нее одновременно с Вики, осторожно озираясь.

– Лиана! – тут же возмутилась Миа, краснея, – У тебя же

есть...

– Билл? – уже тише перебила ее Лиана, подняв бровь, – Наличие шедевра в домашней коллекции не отменяет походов в картинную галерею. Просто чтобы полюбоваться. Ну, так что, Кесс, я права? Это он?

– Да перестаньте вы! – зашипела я, – Я просто... увидела в дверях магистра Бергли. И занервничала. Я у него курсовую взяла...

В столовой на секунду повисла тишина. Лиана и Миа переглянулись с выражением полного, абсолютного недоумения. Даже Вики на секунду замерла с вилкой на полпути ко рту.

– Лысеющий мужик, который в отцы нам всем годится? – медленно переспросила Лиана, оправившись от шока. Ее взгляд стал изучающим, – И из-за него ты так краснееешь? Серьезно, Кесс? Ну... на вкус и цвет, конечно... но почему именно он?

– Бергли? – наконец, выдавила Миа. Ее романтические фантазии явно дали сбой, – но он же... преподаватель! – последнее слово она прошептала, так сильно округлив глаза, что я чуть не подавилась соком, едва сдерживая смех.

– И, что важнее, зачем ты вообще полезла к нему с курсовой? Даже если он и в самом деле тебе понравился! – мрачно перевела тему в безопасное русло Вики, отодвинув от себя полупустую тарелку, – Все знают, что он невыносимый! Говорят, за последние пару лет у него вообще никто курсовые

не брал!

Их реакция была такой единодушной и искренне испуганной, что мое смущение немного отступило, сменившись нервным смехом, который я едва сдержала, представив себя и Бергли в обнимку.

– Ой, отстаньте уже! Так получилось, – пожала я плечами, стараясь говорить максимально искренне.

– Мда... – тяжело вздыхая, покачала головой Лиана, – Ладно, с курсовой понятно. Ну, а в плане более личных вопросов... – она многозначительно повела бровью, – ... помни, что мы на твоей стороне. Даже если выбор... экзотический. Главное, чтобы тебе было хорошо.

– И чтобы он не завалил тебя на курсовой из-за личных конфликтов, – практично добавила Вики, кивая. Она посмотрела мне в глаза и едва заметно покачала головой с легкой усмешкой, а в ее взгляде читалось что-то вроде: «Говори что хочешь, но я-то знаю...».

– Спасибо, – улыбнулась я искренне. Их готовность принять даже такой нелепый, с их точки зрения, выбор согревала сильнее утреннего чая.

Время, указанное магистром Бергли, наконец-то, вышло, и я, получив пропуск, отправилась покорять библиотечный архив. Правда, перед этим пришлось потрудиться над поисками библиотекаря, которого я все же нашла по негромкому храпу, раздающемуся из отдела выдачи учебной литературы.

Из-за высокого стола хранителя виднелась только седая макушка. Я осторожно кашлянула.

– Чего надо? – пробурчал он хриплым голосом, высовываясь из-за стола.

– Добрый день. Мне нужен архив. Пропуск оформлен, – я протянула ему бумагу от Бергли.

Он лениво взял лист, поднес его к самому носу, повертел.

– Хм... Магистр... Ну, ладно. Идем.

Он неловко сполз с высокого стула и заковылял вглубь библиотеки, к неприметной двери в стене, заставленной стеллажами со справочниками. Открыл ее простым железным ключом. За дверью оказался узкий служебный коридор без окон, освещенный тусклыми светящимися шарами. Воздух пах пылью и старым деревом.

– За мной, не отставай, – бросил он через плечо.

Мы прошли коридор, свернули, спустились по крутой винтовой лестнице из темного камня. Под ногами закрипели неровные ступени. Еще один короткий, низкий коридор в подвале. По бокам было несколько одинаковых массивных дверей из темного дуба, без опознавательных знаков. Библиотекарь подошел к последней, самой толстой. Над ней виднелся полустертый схематичный грифон с кристаллом в лапах. У меня пересохло во рту. Может это знак, что я на верном пути? Тем временем, библиотекарь что-то пробормотал, приложил ладонь к металлической пластине рядом с косяком. Замок щелкнул. Дверь со скрипом отворилась.

Первое, что я увидела – просторное каменное помещение с низким сводчатым потолком. Воздух здесь был абсолютно иным – холодным, подвальным, с почти осязаемым привкусом горечи книжной пыли. Прямо перед входом стояли три больших пустых стола из темного дерева. Далее помещение делила надвое массивная стойка, тоже из дерева, напоминающая прилавок. За этой стойкой, уткнувшись бородой в разложенные бумаги, спал еще один седой старик, похожий на гнома даже больше, чем мой провожатый. За его спиной, за стойкой, вглубь помещения уходили бесконечные ряды высоких стеллажей, доверху забитые папками, свитками и фолиантами. Они терялись в полумраке, освещенные редкими магическими светильниками.

Слева от стойки, у стены, стоял странный предмет, привлекавший мое внимание. Это был огромный деревянный ящик с множеством выдвижных ящичков поменьше – классическая картотека. Но над ним висела матовая хрустальная сфера размером с большой апельсин. От сферы к ящику тянулись тонкие серебристые нити энергии, мерцавшие тусклым светом.

– Эй, старина! Работа пришла! – крикнул мой провожатый.

Архивариус вздрогнул, заворчал что-то невнятное и поднял голову. Его маленькие глазки блеснули раздражением.

– Опять отрываешь? Только задремал.

– Девушка с пропуском от Бергли. Будет копаться в твоих

пыльных свитках, – Библиотекарь кивнул мне и, не прощаясь, заковылял обратно.

Архивариус тяжело вздохнул, потер переносицу. Он забрал мои документы, сверил печать, занес что-то в огромную потрепанную книгу, лежавшую на стойке.

– Правила: работаешь только здесь, за этими столами, – он ткнул толстым пальцем в сторону трех пустых столов перед стойкой, – С собой ничего не уносишь, а копируешь на свои пергаменты, но только зачарованными перьями. Чернила, свои перья, чернильные приборы – под строжайшим запретом, даже не думай здесь их доставать. Испортишь полученные материалы – отвечать мне. Поняла?

– Поняла, – кивнула я, – А как найти нужный документ?

– Через каталог, – он мотнул головой в сторону странного устройства у стены, – Подходишь, кладешь руку на сферу, мысленно формулируешь запрос. Каталог покажет номера. Запоминаешь. Называешь мне. Я приношу. Возвращаешь – отмечаем в журнале.

– А самой нельзя...

– Нельзя, – отрезал он.

Я положила руку на прохладную поверхность сферы и мысленно сформулировала запрос: «Планы. Архитектура. Крепость Белой Скалы. Нижние уровни. Подземелья».

Хрусталь под ладонью внезапно покраснел, в его глубине мелькнули неясные образы каменных коридоров, но ни один ящик не выдвинулся.

– Доступ запрещен, – нахмурил кустистые брови архивариус.

Нервно обернувшись на него, я постаралась принять самое невинное выражение лица.

– Но у меня же пропуск от преподавателя? – протянула я с тщательно выверенной обиженной ноткой.

– Да, но уровень пропуска – обучающийся. Ты же не думаешь, что тебя, – он выразительно повертел в руках мой пропуск, – кто-то допустит к внутренним документам Академии?

Я попробовала иначе: «Фундаменты. Дренажные системы. Вентиляционные шахты. Крепость Белой Скалы».

Сфера под ладонью снова покраснела.

– Не знаю, что ты там загадала найти, – недовольно проворчал архивариус, – но лучше бы тебе начать уже формулировать запрос в рамках темы курсовой.

Я поспешно вновь положила ладонь на сферу, повторяя про себя: «Архитектура Империи Вальтуров. Водоснабжение. Акведуки». Она засияла золотистым светом, и один из маленьких ящичков картотеки сам собой выдвинулся на несколько сантиметров с мягким щелчком. Я отпустила сферу и потянула на себя ящичек. Внутри лежали аккуратные карточки из плотного пергамента, на каждой – код, название документа и краткое описание. Я набрала целую стопку карточек, описание на которых хоть немного давало надежду на получение информации об академии.

– Вот, – я протянула их архивариусу.

– «АРХ-ИБ-СВ-112»... Крепостные сооружения. А у тебя тема какая?

– Архитектура и водоснабжение Империи, – быстро отпартовала я.

– Хм, «АРХ-ИБ-ГЛ-778», «ОД-ИСТ-ЗС-445»... А ты вообще карточки смотрела? – он ткнул толстым пальцем в верхний угол одной из них. – Видишь пометку «ОД»? Это «Открытый доступ». Такая же сфера-поисковик стоит в общем читальном зале, у стойки выдачи. И картотека там такая же.

Я глупо моргнула, чувствуя, как кровь к щекам приливает.

– Я... честно говоря, обычно просто по полкам смотрела... читаю корешки, если название подходит – беру, – призналась я, опуская взгляд.

Архивариус издал что-то среднее между смешком и кашлем.

– По полкам? А вот это вот для кого придумали? – он махнул рукой в сторону картотеки, – Ну, молодежь... Ладно. Раз уж пришла сюда, хоть научись, как люди ищут, – и, ворча, заковылял вглубь архива между стеллажами.

Я же, оставшись одна, с облегчением выдохнула. *«Значит, сфера работает по единому каталогу... Открытый доступ... То есть, если сформулировать запрос правильно, поисковик покажет мне всё, что есть в принципе в библиотеке? Хм... ».*

Я торопливо вернулась к сфере, положила ладонь на прохладную поверхность и мысленно произнесла: «Основание и ранние годы Академии Белой Скалы. Старый рукописный фолиант».

Сфера под моей рукой полыхнула алым и так раскалилась, что я мгновенно отдернула руку, чуть не взвизгнув от неожиданности. Ни один ящик не выдвинулся. В воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь моим сбитым дыханием.

К тому моменту, когда из недр архива вернулся архивариус, со стопкой фолиантов в руках и несколько свернутых в трубку пергаментов, которые ему пришлось придержать под подбородком, я уже успела освоиться с поиском по ключевым словам.

– Не могли бы вы мне помочь... – я обернулась к нему на звук шагов, стараясь придать лицу максимально растерянное выражение. – Я знаю, в библиотеке есть книга, очень полезная для моей темы... Сфера почему-то не показала ее... или я не правильно вопрос ей задала..

Он отложил журнал и с неразборчивым ворчанием поковылял сам к сфере. Я повторила ему название, но под его рукой вновь вспыхнул алый свет. Он отдернул руку и с довольным видом уставился на меня, скрестив на груди руки.

– Такой книги нет в каталоге. Ничего не перепутала? – от его пристального взгляда мне стало не по себе. Он был ниже меня ростом почти на голову, но в тот момент мне показалось, что он смотрит на меня сверху вниз.

– В прошлом семестре я нашла ее в читальном зале, она лежала не на полке... – сбивчиво я пересказала, как обнаружила книгу, – и в итоге библиотекарь забрал ее и сказал, что ее можно будет найти позже. Но я не нашла.

– Все ясно, – он махнул рукой и отправился обратно за стойку, – Возможно, неправильно запомнила название. Или книга была изъята, – Последнюю фразу он произнес так буднично, что я даже не сразу поняла, что это за тревожный звонок. *«Изъята... – мысленно простонала я, – а что, если своими поисками я привлекла слишком много внимания?»*

– Бери. Перья вот здесь, – он достал из-под стойки деревянную подставку с тремя артефактами, напоминавшими малярные кисти, а не перья, – Проводишь пером по нужной строчке, затем по своему пергаменту. Оно само копирует информацию из документа и воспроизводит ее на лист.

– Перья? – в недоумении переспросила я, вертя в руках кисть на металлической ручке.

– Копировальные перья, чего тут не ясного? – нахмурился он.

– Я все поняла, – проговорила я тихо, – Спасибо!

Я взяла одно такое «перо» и фолианты, устроилась за ближайшим столом и принялась изучать книги в поисках упоминания крепости Белой Скалы, попутно выписывая все, что подходило под тему курсовой. Первый раз копировать было очень странно – словно я оказалась внутри компьютера и держала в руке курсор, выделяющий текст для Ctrl + C и Ctrl

+ V. Но, надо отдать должное, такой способ оказался действительно удобным, и я довольно быстро освоилась. Вскоре я уже бодро копировала заинтересовавшие меня цитаты, разложив перед собой пергаменты сразу на несколько стопок: по главам курсовой и отдельно – по крепости Белой Скалы.

На обратном пути архивариус провожал меня сам. Когда мы шли мимо одной из зачарованных дверей в подвальном коридоре, я якобы случайно, коснулась деревянной панели.

Резкая, колкая искра ударила мне в пальцы. Я отдернула руку, едва сдержав вскрик.

– Не трогай! – рявкнул архивариус, хмуря свои густые брови, – Все двери зачарованы. Руками не щупать. Надо ж голову включать.

– Простите, – пробормотала я, сжимая покалывающие пальцы, – Не знала.

– Теперь знаешь.

Мы поднялись наверх. Я поблагодарила его и вышла в основное помещение библиотеки. Кончики пальцев еще слегка пощипывали. В голове четко засела мысль: «Выяснить, что за этими дверьми. Обязательно. И понять, открываются ли они».

На следующий день после обеда я снова сидела в архиве, набрав гору материалов, посвященных периоду империи – от возникновения до крушения. Листая ветхие страницы, я выискивала не только схемы водных магистралей, но и планы укреплений, описания фундаментов, упоминания о «защит-

ных контурах», встроенных в кладку. В книге о значимых архитектурных сооружениях я наткнулась на главу «Крепость Белой Скалы: оплот на границе с Дикими землями». Описание было поверхностным, больше похвальным гимном мощи империи, но там была указана дата начала строительства и имя главного архитектора – Маэстро Фальдеар. Это была зацепка.

Я запросила все, что связано с Фальдеаром и строительными проектами эпохи правления Последнего императора. Мне вынесли коробку с плотно уложенными свитками, и я часами сидела над ними, выписывая в свою отдельную тетрадь любые упоминания о крепости Белой Скалы. Я искала хоть какую-то зацепку, которая дала бы мне возможность обратиться со своими опасениями к Аррису или к Бергли, но при этом обставить все так, чтобы не выдать себя. Элора не должна узнать, что я что-то вспомнила.

Можно сказать, мне повезло: в одной из диссертационных работ, посвященных этому архитектору, был неплохой анализ особенностей его работы. В частности, упоминалось, что абсолютно все крепости, возведенные по его чертежам, имели разветвленную сеть подземных помещений, и везде эвакуационные выходы и темницы располагались в строго разнонаправленном направлении – в целях обеспечения безопасности.

«Значит, – я оторвалась от документов и прищурила уставшие глаза, вспоминая свои наброски по маршруту в

бункер, – значит подземелье точно где-то под восточным крылом! Но с другой стороны, – ехидно заметил внутренний голос, – вход может быть где угодно, а уже за дверью окажется коридор, который ведет в восточную сторону!».

Визуализация: архив

Глава 6.

Как и обещал Аррис, ровно в оговоренный час у ворот остановилась наемная карета. Этот местный аналог такси я уже успела опробовать, когда ездила на каникулы. По началу чувствовала себя диснеевской принцессой, а потом оказалось, что пневмоподвеска – волшебство, о котором здесь не слышали. Я даже в какой-то момент пожалела, что не оказалась в книге про прогрессорство! Хуже этого было только отсутствие возможности вызвать карету дистанционно!

Возможно, в столице этого королевства дела обстоят лучше, но здесь, в маленьком Сторхолде, кареты для найма были лишь на вокзальной площади – своего рода, городской транспорт, а также у дорогих ресторанов, например, того же «Серебряного ножа» – для их посетителей. И для того, чтобы вызвать карету к назначенному времени, сначала нужно прийти в ресторан или на площадь и договориться заранее. Из плюсов только то, что кучер не станет уверять, что эта работа – исключительно для души. Так что заботу Арриса я оценила.

Дорога от Академии к центру Сторхолда была знакомой, но сегодня город раскрывался передо мной по-новому. Я смотрела в окно на теснящиеся аккуратные домики с резными ставнями и островерхими черепичными крышами, чуть припорошенными свежим снегом. В витринах магазинчиков

мерцали огни, а на площади у фонтана было оживленно, словно и не было тех пугающих нападений.

Ресторация «Серебряный нож», как я уже успела узнать, по праву считалась одной из лучших в городе. К массивной дубовой двери вели широкие каменные ступени, обрамленные резными перилами, отполированными до мягкого блеска. Я глубоко вздохнула, на мгновение задержав дыхание, и переступила порог.

Внутри царила атмосфера сдержанной, почти аристократической роскоши. Теплый воздух был насыщен многослойным ароматом: пряные ноты специй переплетались с насыщенным запахом жареного мяса и едва уловимыми шлейфами дорогих духов. Приглушенный гул разговоров, тихая музыка и мягкий ковер под ногами создавали ощущение изолированного от суеты мира. Метрдотель в безупречном черном фраке с белой грудью рубашки тут же скользнул ко мне.

– Добрый день. Меня ожидают. Во втором кабинете, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Конечно. Прошу, – он едва заметно кивнул и повел меня по мраморной лестнице на второй этаж, где в тихом коридоре располагались отдельные кабинеты.

Аррис, одетый в темный камзол, стоял у окна, обрамленного тяжелыми портьерами, слегка отдернув одну из них. За стеклом вырисовывался силуэт здания напротив, и в моих мыслях мелькнула мимолетная догадка: он ждал и видел, как я поднималась по ступеням.

Увидев меня, он сделал шаг вперед, но остановился, словно давая мне пространство.

– Ты пришла, – улыбнулся он, и в его голосе прозвучало облегчение.

– Конечно, – смущенно пожала я плечами.

Он помог мне снять плащ – легкое, почти невесомое прикосновение к плечам, – и с безупречной учтивостью пригласил присесть за массивный дубовый стол с полированной поверхностью, окруженный уютными бархатными диванчиками приглушенного изумрудного оттенка. Все вокруг дышало дорогой сдержанной роскошью: под потолком мерцала магическая сфера, разливая мягкий сияющий свет, а на столе в изящных подсвечниках трепетно горели свечи, наполняя пространство теплым, живым мерцанием; их отблески танцевали на хрустальных графинах, фарфоре с золотым ободком и тяжелых льняных скатертях.

Мы устроились друг напротив друга. Между нами повисла пауза – неловкая, напряженная, насыщенная невысказанным, но я не спешила ее нарушать, заметив, что он явно готовится к разговору. И не ошиблась.

– Я долго сомневался... Все же ты – студентка, а я – преподаватель, – наконец, начал Аррис, глядя не на меня, а в окно. Его пальцы слегка постукивали по краю бокала, выдавая внутреннее волнение, – Но, честно признаться, я не чувствую сильной разницы в возрасте. А теперь, когда я перестал быть твоим наставником...

Он сделал паузу, подбирая слова, и я затаила дыхание, чувствуя, как сердце стучит чуть быстрее.

– Я решил попробовать. Если ты... все еще хочешь, – продолжил он, наконец встретившись со мной взглядом. Его серые глаза были серьезны, но в них теплилась робкая надежда, – Но должен сразу извиниться: нам придется встречаться тайно. Пока я работаю в Академии, а ты там учишься... Это необходимо. Но я подумаю, что можно с этим сделать.

«Ну, если только ты можешь сделать мне предложение», – мысленно усмехнулась я, не секунды не сомневаясь в том, что он не готов к таким решительным действиям. Впрочем, как я уже осторожно выяснила, нравы здесь отнюдь не пуританские – и это, к счастью, позволяло мне встречаться с молодыми людьми до официального объявления о помолвке. Разумеется, социальный статус окружения не оставался без внимания, но строгих запретов не существовало.

Вслух же, естественно, я произнесла совсем другое:

– Я понимаю необходимость секретности. Но для меня в отношениях важно другое. Я ненавижу вранье, недомолвки и неопределенность. Для меня в отношениях важно... разговаривать, обсуждать разногласия. Не молчать, понимаешь?

– Я успел это заметить, – криво усмехнулся он.

В этот момент, прерывая наш диалог, раздался стук в дверь кабинета – принесли миниатюрные шедевры кулинарного искусства: паштеты на хрустящих кростини, увенчанные перламутровыми икринками, миниатюрные профитро-

ли, украшенные капельками крем-соуса. Рядом расположились тонкие ломтики вяленого мясного деликатеса с ароматом горных трав, дополненные карамелизированными дольками каких-то фруктов и россыпью молодых ростков с нежными фиолетовыми прожилками. Все это было выложено с геометрической точностью, словно произведение современного искусства, где каждый элемент занимал строго отведенное ему место.

Следом появилось основное блюдо: томленное в травах мясо, которое подавалось с гарниром из запеченных корнеплодов, превращенных умелой рукой повара в подобие изящной цветочной композиции.

Аррис наполнил наши бокалы и мы взяли паузу, полностью отдавшись наслаждению кулинарными шедеврами. Вкус закусок раскрывался постепенно, словно изысканная симфония: сперва – бархатистая нежность паштета, обволакивающая язык; следом – приятный хруст кростини, оттененный солоноватой искрой перламутровых икринок. Миниатюрные профитроли таяли мгновенно, даря послевкусие свежих сливок и теплой ванили. Вяленое мясо поразило удивительной нежностью, и его глубокий, многогранный вкус с нотками розмарина и горных трав раскрывался с каждым новым кусочком. словно виртуозный акцент в этой гастрономической композиции, карамелизированная груша вносила сладкую, чуть пряную контрастную ноту, идеально уравновешивая остальные вкусы.

Мне очень хотелось узнать, почему этот мужчина до сих пор не женат, но я смотрела, как свет отражается в гранях его бокала, и никак не могла подобрать нужные слова.

– Ты ведь долго служил Стражем, – начала я осторожно, выбирая нейтральный тон, – Это, наверное, сложно – совмещать службу и что-то личное?

Он не ответил сразу.

– Служба не оставляет выбора, – он отложил столовые приборы и откинулся на спинку дивана, вновь переводя взгляд в окно, – Это не работа, а образ жизни, который подчиняет себе все. Расписание, круг общения и даже способ мышления, наверное.

– Понимаю... – прошептала я, – А друзья? Те, с кем ты рос?

– Кто-то тоже пошел в Стражи. С остальными... – он чуть запнулся, – Мы просто разошлись. Когда ты месяцами отсутствуешь, связь держится плохо. А потом возвращаешься – и понимаешь, что у них уже своя жизнь. Свои семьи, дети. Свои заботы. Общих тем почти не остается.

Аррис покачал головой.

Я смотрела на него, на эту привычную сдержанность, за которой, как я теперь понимала, стояли годы одиночества, выбранного добровольно – но все же одиночества.

– А ты? Неужели не хотелось тоже семью и детей? – наконец, спросила я, и голос прозвучал тихо-тихо.

Он откинулся на спинку стула, его взгляд стал отстранен-

ным.

– Для меня долг и служба на первом месте. Всегда. Не до чего-то личного просто... не доходили руки. Да и кто будет терпеть такого как я? – он невесело усмехнулся, – Кто согласится жить с человеком, который может внезапно уехать на полгода?

Повисла пауза.

– А сейчас? – не удержалась я.

Он резко посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то вроде укора.

– А сейчас я здесь, – с мягкой усмешкой он обвел взглядом этот кабинет.

Это было бы идеальным моментом для поцелуя, и я ждала, что он встанет и сделает что-то такое... романтическое, но он снова посмотрел на меня – не в лицо, а на руку.

Я заметила это не сразу, а потом поняла, на чем задержался его взгляд – папин браслет.

– Ты теперь его носишь постоянно? – спросил он, и я уловила недовольство в его голосе.

– Что? – я машинально посмотрела на запястье, – А... да.

Я коснулась браслета, ласково провела пальцами по тусклой полоске металла, едва выглядывающего из-под рукава.

– Это подарок отца, и я... – начала было я оправдываться, но тут же себя одернула «Да с чего бы?!», а потому закончила не так, как планировала, – Решила, что так будет лучше, да.

Аррис чуть нахмурился.

– Это не женское украшение, – проворчал он, – И просто так такие вещи не носят!

– Я в курсе, – сухо ответила я.

– И все равно носишь? Такие вещи носят только, если что-то угрожает, – Он посмотрел на меня пристально и тут же резко спросил, – Ты разве в опасности?

На долю секунды я замерла. *«Сказать? – молниеносно пронеслось в голове, – Но в прошлый раз он отреагировал плохо – словно я надумываю. С учетом вмешательства Элоры нужно будет еще подумать, как это все преподнести. Если скажу сейчас, вечер будет испорчен. Значит точно не в этот раз».*

– Я уже говорила. Отец подарил мне его! Он выкупил его у стража, который вышел на пенсию. Если бы он был на мне во время выплеска, я бы не пострадала так сильно. Разве нет?

Аррис кивнул.

– Да, но это ведь в прошлом! – в его голосе прозвучало легкое, но вполне ощутимое неодобрение, как будто он ожидал другого ответа.

Не отводя такого же твердого ответного взгляда, я промолчала, поджав губы. На ум невольно пришла мысль, что отец, вот, наоборот, просил его не снимать.

– А что, – поинтересовалась я небрежно, – постоянно носить этот браслет как-то вредно? Почему ты так отреагировал?

Он снова перевел взгляд на браслет. После небольшой па-

узы он, наконец, ответил со вздохом:

– Нет, это не вредно. Стражи не снимают обычно.. но ты! Ты – не Страж! – он запнулся, видимо, заметив, наконец, мое недовольное лицо, и продолжил намного тише и мягче, – Есть вещи не для девушек! Просто помни, что это не безделушка, – наконец, произнес он после небольшой паузы, и мне захотелось закатить глаза.

– А что, в Страже не служат девушки? – удивилась я.

– Это не женская работа, – он сказал, как отрезал, и мне оставалось только вздохнуть. Деление на «мужское» и «женское» при выборе профессии я никогда не понимала. Но, может, здесь такой менталитет?

– А у тебя... – я решила перевести разговор на него, – у тебя есть такой же?

– Нет. Браслеты мне не подходят, – Он потянулся к вороту рубашки, расстегнул верхнюю пуговицу и достал тонкую цепочку. На ней висел небольшой темный медальон, – Тот же принцип, но для служб, которые не могут себе позволить открытое ношение.

Я посмотрела на медальон, потом снова на него.

– Значит ли это... – в голосе само собой появилось ехидное торжество, – что ты в опасности?

Он фыркнул.

– Постоянно.

– Я серьезно!

– Я тоже, – спокойно ответил он и спрятал медальон об-

ратно, – За время преподавания мне несколько раз подливали приворотное.

Я моргнула.

– Подожди. В смысле «подливали»?

– В прямом, – кивнул он, – в столовой в чай.

– В Академии? – я посмотрела на него с искренним недоумением, – Ты же... ну... внимательный. Как вообще такое возможно? А как ты это заметил?

– Очень легко – медальон нагрелся, вот и заметил, – усмехнулся Аррис, постепенно оттаивая, – и стал выяснять.

– И? – Я подалась вперед, мимолетно порадовавшись, что атмосфера разговора нормализовалась.

– Для преподавателей же отдельно готовят по заранее согласованному меню. Так и увидел, как повар что-то добавляет в мой напиток, – пожал он плечами, – Оказалось, его щедро простимулировали.

– Его уволили?

– Немедленно.

– А та, ради кого все это... – я приподняла брови.

Он хмыкнул.

– Девушка с боевого факультета. Очень целеустремленная. Ее взяли на особый контроль до самого выпуска. А я с тех пор пью из термоса в столовой.

– Ах, вот почему ты его носишь! Но ведь приворотное можно подлить не только в питье, но и в еду, – фыркнула я.

– Поэтому и медальон тоже не снимаю, – кивнул он.

Я улыбнулась и дальше, наконец-то, разговор неспешно перешел на более мирные и общие темы – без острых углов, обо всем и ни о чем. Время летело незаметно, и в какой-то момент он взглянул в окно, за которым по-зимнему рано темнел город.

– Тебе пора... Через десять минут за тобой подойдет карета. Она отвезет тебя к воротам Академии.

Он поднялся и помог встать мне. У двери кабинета он остановился, заслонив собой выход. Он медленно поднял руку, и его пальцы едва ощутимо коснулись моей щеки. Легкое, трепетное прикосновение, от которого по коже пробежала волна тепла. Я невольно задержала дыхание, чувствуя, как учащается пульс. Аррис наклонился, и Я потянулась к нему, прикрыв глаза. Наконец, его губы коснулись моих – сначала осторожно, словно пробуя на вкус, затем увереннее, глубже. Его ладонь скользнула с щеки на затылок, пальцы мягко перебрали пряди волос, прижимая меня ближе.

Остановившись, он не отпустил меня, напротив – прижал к груди, обхватив обеими руками так крепко, будто боялся, что я исчезну. В этой тишине, наполненной чем-то невысказанным, мы стояли бесконечно долго, пока голос метрдотеля из-за двери не оповестил о прибывшей наемной карете.

– До встречи, Кассандра, – прошептал он, целуя в макушку, и тут же отступил, открывая передо мной дверь.

В карете, устроившись на мягком сиденье, я мысленно перебирала каждое мгновение сегодняшнего вечера. Пусть

ненадолго, но я позволила себе просто быть счастливой – без оглядки, без расчетов, без тревожного «а что, если...».

Глава 7.

В начале следующей недели я принесла магистру Бергли первые наброски – выписки по водоснабжению Вальгарда и попытку анализа инженерных решений акведуков – все строго в рамках той темы, которую он обозначил.

Он взял листы, и его пристальный взгляд быстро скользнул по тексту. Помолчав, он отложил бумаги.

– Фактография собрана неплохо, – резюмировал он, и в его голосе я услышала неожиданные нотки... одобрения? – Видно, что хорошо поработали в архиве. Это правильно. Однако, этого недостаточно! – он разложил листы на столе и ткнул пальцем в один из них, – Вот акведук. Он построен за три года вместо запланированных пяти. Почему? Новые технологии или дополнительная рабочая сила? Как это повлияло на экономику региона? – Он поднял на меня взгляд, и в его глазах я увидела искорку увлеченного исследователя, – Вода – это не только трубы. Это экономика. Это политика. Мыслите шире. Ищите системные связи – без них ваша работа остается лишь описанием механизма, а не исследованием живого процесса.

– Я поняла, – с улыбкой кивнула я, – Буду рассматривать инфраструктуру как часть целого.

– Именно, – улыбнулся Бергли, возвращая мне листы, – Ваш аналитический склад ума не так давно хвалил мастер

Ройс. Я был удивлен, узнав, что он взял Вас в соавторы для статьи в «Научный королевский вестник».

Сердце на мгновение сжалось, а по щекам разлилось тепло. Аррис. Он говорил с ним обо мне, хвалил. Я потупила взгляд, надеясь, что это сочтут за смущение от лестного отзыва.

– Мастер Ройс... ценит ясность изложения, – нашла я, выбирая максимально нейтральные слова, – Стараюсь ей соответствовать.

– Это видно, – сухо заключил Бергли, но в его тоне прозвучало окончательное одобрение, – Продолжайте в том же ключе. Жду через две недели.

– Благодарю Вас!

И если с курсовой магистр остался доволен, то с моими основными поисками все было намного хуже. Я искала и не находила подтверждений о наличии этого особого подземелья. *«Ну, почему я не выкрала Ту-самую-книгу, не спрятала, а вот так просто отдала библиотекарю?!»*, – бесилась я, перебирая ветхие документы, посвященные последним годам существования Империи.

Но намеки все же были. И каждый найденный намек – несостыковки или странные упоминания – я аккуратно заносила в тетрадь, снабжая цитатой и номером фонда. Это была не грандиозная схема по спасению мира. Это было досье для будущего разговора. Маленькая, но реальная надежда, что я смогу подойти к Бергли или Аррису, открыть эту тетрадь на

нужной странице и сказать: «Я изучала архивы для курсовой и совершенно случайно наткнулась на кое-что...Посмотри? А вдруг кто-то еще случайно обнаружит? Может нужно принять меры?». Этого должно было хватить, чтобы меня хотя бы выслушали. А главное, чтобы к руководству уже пошли они, а я осталась скромно в стороне. И пусть сами решают, что с этим делать – предупредить, выставить охрану, завалить вход камнями.... Все что угодно, лишь бы эта дура, Лорейн, туда не пролезла.

Мой мир сузился до четких промежутков времени. Между последней парой и ужином я торчала в архиве. Тема курсовой оказалась сложнее, чем мне показалось на первый взгляд, и я старательно изучала местные акведуки, бесконечно чертыхаясь при воспоминании об интернете.

После ужина, чтобы вернуться к реальности и не сойти с ума от собственных страхов, я старалась хоть немного отдохнуть: проводила время с подругами либо шла к Нему, и мы пили чай, и болтали обо всем на свете.

Он рассказывал о своем первом наставнике в Страже, голос его становился тихим и уважительным, полным той преданности, которую он редко кому проявлял. О том, как они неделю искали утечку магической энергии, а оказалось, что старый страж-пенсионер в соседнем доме увлекся выгонкой самогона при помощи списанных старых кристаллов. Я делилась с ним историями из своего детства – детства Кассандры, конечно, – о холодности родителей, которая теперь ви-

делась мне в ином свете, о своих подругах, и он слушал, иногда ласково усмехаясь, иногда задавая неожиданно точный, пронизательный вопрос, который показывал, что слушает он куда внимательнее, чем казалось.

– Как твои подруги? У Мии все так же грустно?

– Пока да. Но я поговорила с Дугласом. Кажется, он задумался.

– Это хорошо. Иногда мужчинам нужен толчок извне.

– А тебе нужен был такой толчок, м? – я кокетливо стрельнула в него взглядом.

Он посмотрел на меня поверх края чашки, и в уголках его глаз обозначились легкие морщинки – след улыбки.

– Мне потребовалась целая серия толчков! И один особенно настойчивый.

Я училась выбирать маршруты. Основной коридор в это время был полон студентов, спешащих с тренировок или из библиотек. Я сворачивала в боковые галереи, где было тише. Сердце по-дурацки колотилось, когда впереди показывалась чья-то спина в мантии. Я замедляла шаг и чувствовала себя участницей детской игры, пока человек не скрывался за поворотом. Но привлекать внимание общественности к себе и своим маршрутам абсолютно не хотелось.

Его кабинет находился на удалении, рядом с тренировочными залами для старших курсов и мастерскими. Это было и проклятие, и благословение. Проклятие – потому что нужно было проходить мимо открытых дверей спортзалов, откуда

доносились крики, звон сталкивающихся барьеров и смех. Я боялась встретить кого-то из знакомых. Дальше по коридору шли кабинеты мастера Торнвальда и других педагогов боевых дисциплин. Благословение – потому что остальные преподавательские кабинеты находились ближе к научному крылу, рядом с библиотекой.

С началом нового семестра он официально перестал быть моим наставником, и наши тренировки прекратились. Я долго собиралась с духом, а потом все-таки попросила его продолжить занятия – групповых занятий с Торнвальдом мне было уже мало.

– Я не могу быть твоим наставником и одновременно... – он замялся, – Да и зачем тебе это? Ты ведь догнала группу? А если вдруг будут вопросы, готов помогать тебе вне занятий.

– Мне просто понравилось... – я улыбнулась ему, чуть покраснев.

– Для меня это неприемлемо, прости, – было видно, как он напрягся, – либо тренировки, либо отношения.

Внутри все сжалось: *«Так. Значит, я обзавелась парнем, но лишилась учителя. Черт! А я-то рассчитывала и дальше осваивать магическое боевое искусство под его руководством, так сказать, совмещая приятное с полезным!»*.

– Понимаю, – я постаралась не выдать своего разочарования.

На следующий же день я обратилась к Алисии, и она узнала для меня, что факультатив по магическому боевому ис-

кусству есть только на факультете Боевой магии. Не раздумывая, я обратилась к Аррису с просьбой о протекции, которую он так мне обещал перед сессией.

– Можешь узнать, возьмут ли меня на этот факультатив? – спросила я, глядя прямо в глаза, – Я готова доказать, что справлюсь.

– Кассандра, видишь ли в чем дело, – он отвернулся к окну, как всегда, когда ему приходилось говорить что-то неприятное, – Там жесткие требования и никто не будет разбираться с твоей «физической» магией – только классический подход. Ты уверена, что тебе настолько хочется?

– Я хотя бы попробую... – жалобно протянула я, скрестив пальцы на удачу.

Обернувшись, он задержал взгляд на моем лице, будто взвешивал что-то внутри себя, потом кивнул.

– Если будет сложно, не молчи, хорошо? – он подошел и обнял меня, чмокнув в макушку.

В один из вечеров, возвращаясь от Арриса, я застала в холле нашего этажа Мию и Дугласа. Они стояли у окна. Дуглас что-то говорил, глядя в пол и перебирая пальцами край своей мантии. Миа слушала, скрестив руки на груди, но ее выражение лица: и морщинка между чуть приподнятыми бровями, и глаза, в которых явно читалась надежда – все это выдавало ее эмоции с головой.

Я тихонько прошла мимо, и до меня долетели обрывки их разговора:

– ... что тебе будет неприятно, – бормотал Дуглас, – Почему ты сама...

– ... навязываться?! – с гневными нотками в голосе воскликнула Миа чуть громче.

Дойдя до коридорного поворота, я обернулась: они уже стояли в обнимку. Я тихо выдохнула, улыбнувшись.

Внезапно из их с Мией комнаты вынырнула Лиана и буквально затащила меня к себе:

– Кесс! Узнала по шагам! Идем скорее! Есть разговор!

– Что случилось? – я всматривалась в раскрасневшееся лицо подруги и мысленно перебирала варианты, пока она суетливо запирала дверь на ключ.

Она за руку усадила меня к себе на кровать и, сев рядом, сунула мне в руку маленький стеклянный пузырек.

– Это что? – удивленно спросила я, разглядывая подозрительное зелье. Слянка была холодной, а густая жидкость внутри нее переливалась всеми оттенками зеленого – от темно-изумрудного до нежно-салатового.

– Это... э-э-э... настойка от тетушки Гленды, – прошептала Лиана, глядя куда-то в район моего подбородка и нервно накручивая волосы на палец, – Она... от многих женских проблем. Ты понимаешь... После близости! – Последнее слово она выдохнула почти беззвучно.

Я смотрела на пузырек, потом на ее пунцовые, смущенные щеки, и только сейчас до меня начало медленно доходить. Лиана, легкомысленная и восторженная, взяла на себя роль

«старшей и более опытной подруги» и пыталась просветить меня, женщину из другого мира, о вопросах контрацепции, используя при этом какие-то народные снадобья сомнительного происхождения. Пропасть между моим внутренним «я» и моей внешней оболочкой никогда не ощущалась так остро.

– Лиана, я... – я попыталась найти подходящие, тактичные слова, чтобы поблагодарить ее и в то же время дать понять, что в таких серьезных вещах лучше полагаться на более надежные способы защиты.

– Слушай, не перебивай, – она перебила меня, ее слова лились сплошным, смущенным потоком, и она не смотрела мне в глаза, уставившись в мою манишку, – Когда ты будешь с... ним... ну, ты понимаешь... мужчины, они иногда бывают нетерпеливы. И дело в том, что когда он... прижмет тебя к себе, и вы будете без одежды... кожа к коже... и он... это может быть больно в первый раз, но потом становится приятно, если он нежный... Так вот, чтобы после этой приятности не случилось большой беды, нужно пить вот это. Мужчины не всегда заботятся об этом... Понимаешь? По капельке каждый день, здесь на этикетке написано, не запутаешься.

– Эээ... Спасибо... – растерялась я, и она, видимо истолковав мое вытянувшееся, ошарашенное лицо по-своему, принялась объяснять более подробно, сбивчиво и краснея все сильнее, используя самые витиеватые и иносказательные метафоры, какие только можно представить. А я практически онемела от нелепости ситуации и, наверное, не удержи-

лась бы от истерического смеха, не будь это настолько трогательно. Это был ее способ проявить заботу, попытка поддержать и уберечь.

– Спасибо, Лиан, – тихо сказала я, сжимая злополучный пузырек в ладони, чувствуя, как в горле встает ком, – Это очень... предусмотрительно с твоей стороны. Я очень тебе благодарна. Правда.

– Всегда пожалуйста! – выдохнула она с огромным, искренним облегчением и бросилась обнимать меня, прижимаясь щекой к моему плечу, – Ты же знаешь, я всегда помогу и все расскажу! Мы же подруги! Мы должны заботиться друг о друге.

Я обняла ее в ответ, пряча улыбку и наворачнувшиеся на глаза слезы в ее пышные золотистые волосы. В этом безумном мире, полном магии, опасностей и сложных мужчин, у меня были они. И пока они были со мной, я чувствовала, что смогу пережить все что угодно. Даже собственное счастье, которое пугало своей хрупкостью и сложностью ничуть не меньше, чем предстоящий апокалипсис.

Внезапно в дверь постучали. Мы, как по команде, вздрогнули и переглянулись. Лиана пожалала плечами и пошла открывать.

– Вы видели Мию и Дугласа? – Вики с порога задала главный вопрос и, пройдя мимо нас, залезла в кресло с ногами.

– Да, – улыбнулась я, торопливо пряча склянку в карман, – я шла мимо, когда они разговаривали. Неужели они еще

в холле?

– Нет, я встретила их, когда заходила в общежитие, – помотала головой Вики, – и они держались за руки.

– Наконец-то! – выдохнула Лиана, – когда он за ней зашел, она была уверена, что это точно конец. Хотя по его лицу было понятно, что он мириться настроен.

– Я так рада за них! Им давно нужно было поговорить! – воскликнула я.

– Да уж... Кстати, про поговорить... – хитро прищурилась Лиана, присаживаясь обратно на кровать слева от меня, – пока рядом нет нашей впечатлительной подруги, скажи нам. Это Аррис?

Я перевела растерянный взгляд на Вики, и она еле заметно кивнула, приглашая поделиться.

– Девочки, это не должно уйти за пределы комнаты, – жалобно прошептала я.

– Кесс, – Лиана снова обняла меня, – ты могла бы уже за эти почти три года запомнить, что мы не треплем языком.

Вики пересела с кресла на кровать – справа от меня – тоже обняла.

– Я так рада за тебя! – прошептала она мне в ухо.

Мы посидели так в обнимку, и, наконец, девочки отстранились.

– Но Миа действительно может рассказать Дугласу, – озабоченно нахмурилась Лиана, и Вики кивнула, а я вздохнула.

– Девочки, пожалуйста, давайте просто не будем это об-

суждать, – взмолилась я, – ни при Мие, ни.. вообще... Там все так сложно, что... – я с досадой махнула рукой.

– Хорошо, – легко пожала плечами Лиана, – главное помни то, что я тебе сказала.

В этот момент в комнату влетела Миа. Ее глаза сияли, и было без слов понятно, что она абсолютно счастлива.

– Ой, девочки! – воскликнула она и плюхнулась на свою кровать, – он сказал, что все понял, представляете!

– А он не уточнил, что конкретно? – подняла бровь Вики. Миа на секунду нахмурилась.

– Опять ты со своими шуточками! Все – значит все, это же очевидно! – тут же заулыбалась она.

От слова «очевидно» я не смогла сдержать стон, и, как оказалось, Вики тоже.

– Вы чего? – у Мии буквально вытянулось лицо.

– Нет-нет, ничего, – я замахала руками, – расскажи, что он еще сказал?

– Ну... что он не хотел меня обидеть, а просто не подумал...

– Типичный Дуглас, – ехидно прошептала Вики.

– Вики! – надула губы Миа.

– Ладно тебе! – Лиана пересела к ней, – давай подробно!

– Ну, ладно... еще он пообещал уделять мне много внимания! – похвасталась Миа, – кстати, вы же не против, если он иногда будет сидеть с нами в столовой?

– Один или со всей их компанией? – деловито поинтересовалась Вики.

– Не против, конечно, – по лицу Лианы было видно, что она не в восторге, – но я не буду при нем рассказывать о Билле!

А мне захотелось закатить глаза: все наши с ней разговоры о необходимости личного пространства, кажется, прошли мимо.

Когда я вернулась к себе в комнату, на столе лежал конверт. Завидев его, я уже догадывалась, что внутри, и предвкушающее улыбнулась. Мои ожидания оправдались в полной мере:

«Дочь,

Твое письмо стало для нас неожиданностью. Приятной. Мы всегда знали, что в тебе есть глубина, хотя ты и предпочитаешь скрывать ее за юношеским максимализмом. Академия, видимо, действительно помогает тебе повзрослеть. Мать просила передать, что гордится тобой.

Также мы рады, что ты, наконец, оценила браслет по достоинству. Носи его. Береги себя.

Напиши нам, как твои дела. Будем рады узнать о твоих успехах.

Отец.».

Это было очень и очень сдержанно по меркам моего ста-

рого мира. Но для мира Кассандры Тоун – почти признание в любви! А значит хрупкий мостик, который я попыталась построить между нами, кажется, стал еще одним кирпичиком в фундаменте этой новой жизни, которую я была готова защищать до конца.

Глава 8.

Работа в архиве стала рутиной. Чтобы добиться расположения архивариуса, я начала приносить ему маленькие гостинцы – засахаренную вишню, конфеты, пряники. Сначала он ворчал, отнекивался.

– Девушка, – бурчал он, – Не надо тут меня подкупать.

– Я не подкупаю, – ответила я, – Просто чай без сладкого – не чай.

Он фыркнул, но больше не протестовал, и постепенно мы начали общаться чуть теплее. Честно говоря, я понятия не имела, как к нему подступиться: он ворчал, отнекивался, смотрел поверх очков так, будто я отвлекаю его от дел государственной важности. Но на третий раз, принимая пряники, он вдруг буркнул, что сюда всё равно никто не ходит, а так хоть «живая душа объявилась». И я поняла, что никакие хитрые маневры для налаживания контактов не нужны. Я узнала, что зовут его Боррин, и обращались к нему просто «хранитель Боррин» или «мастер Боррин», хотя формально он не был мастером.

Я заметила, что он носит тяжелые фолианты по несколько штук, и каждый поход вглубь архива – это медленное, осторожное путешествие. В один из дней, когда он снова пошел за документами, я осторожно предложила:

– Вы же знаете, мне нужно много разных документов, из

разных отделов. Может, я пойду с вами? Буду подавать вам те, что на верхних полках, или придержу лестницу, или просто буду держать стопку книг. Так быстрее. А то я вас все равно жду.

Он остановился и пристально посмотрел на меня своими крошечными глазками.

– Хочешь по моим владениям походить?

– Хочу помочь. Ну и посмотреть, как все устроено тоже, конечно. Интересно же.

Он что-то тихо пробормотал себе под нос, но все же кивнул.

– Ладно, – обращаясь ко мне, он чуть повысил голос, – Только не шуми. И не трогай ничего без спроса.

С этого дня все пошло иначе. Я получила разрешение сопровождать его между стеллажами. Я выбирала в каталоге фолианты не только по теме водоснабжения, но и с кодами, которые, как я предполагала, могли относиться к разным концам архива. Когда я называла эти номера, он ворчал, что я лезу не в свой раздел, но все равно шел. Я следовала за ним, запоминая планировку. Архив был тем еще лабиринтом. И в самом дальнем его конце, за рядом стеллажей с отчетами о ремонте, я увидела еще одну дверь. Не такую массивную, как входная. Обычную деревянную, но без ручки. На ее поверхности был выжжен сложный, едва заметный в полумраке узор, похожий на сплетение корней.

Я сделала вид, что не заметила ее, и продолжила помогать

нести папки. Но мысль о двери не отпускала.

Вечером того дня я сидела с Аррисом в обнимку на диване в его кабинете и рассказывала про ворчливого архивариуса, про наши совместные походы за документами, про успехи в поиске данных по водопроводу.

– А еще там есть одна странная дверь, – сказала я, стараюсь, чтобы голос звучал непринужденно, – В самом дальнем углу. На ней еще узор такой...

Аррис отстранился и пристально взглянул мне в глаза.

– В архивах много служебных помещений. Не для студентов. Ты же понимаешь?

– Да я и не собираюсь ее открывать, – фыркнула я, прижимаясь к нему ближе и принимаясь выводить узоры пальцем на его груди. Он снова обнял меня одной рукой, а второй – стянув ленту из волос, принялся пропускать между пальцами пряди волос. От приятных мурашек я чуть не сбилась с мысли, – Я вообще эту дверь только мельком видела, а вообще-то интересно узор рассмотреть. Издалека похоже на какой-то герб или символику. Красивое. Я хотела просто чуть задержаться рядом, но старик-архивариус не даст даже взгляд туда направить.

– Любопытная малышка, – усмехнулся он, чмокнув меня в висок. Я придвинулась к нему еще ближе и, дотянувшись, легко поцеловала его в шею, точно в то место, где отчетливо чувствовалось биение пульса.

Его рука в моих волосах на мгновение замерла.

– Я, правда, не собираюсь туда лезть, – прошептала я ему на ухо, – Мне просто... любопытно ее рассмотреть.

Он длинно выдохнул.

– Ну, может однажды тебе попадется в сноске документ ограниченного доступа, – и тут же осекся. Он повернул голову на меня и, встретившись со мной взглядом, тут же застонал, как от зубной боли, – Кассандра, нет! Прошу тебя! Любопытство любопытством, но не вздумай лезть, куда не надо!

– Но это же так заманчиво! – я нарочно сделала голос игривым и потерлась носом об его щеку, – Представь, вдруг там за дверью склад имперских сокровищ? Неужели нет каких-нибудь специальных артефактов? Чтобы, ну, сквозь стену или дверь посмотреть? Так, чисто теоретически.

Он пристально посмотрел на меня, нахмурившись.

– Чисто теоретически? Артефакты сканирования, конечно, существуют, – медленно произнес он, словно взвешивая каждое слово, – Но они только для служебного использования Стражей и военных, понимаешь? Каждый выданный артефакт – на счету. Каждое его применение – в отчете. И если такими штуками начнут «просто посмотреть» все любопытные студентки в академических архивах, это будет не просто нарушение. Это будет полный и окончательный развал системы контроля, безопасности и элементарного порядка, после которого придется очень долго и нудно все расхлебывать. Поняла?

– Да я шучу! – разулыбалась я так, словно он рассказал забавную шутку.

– Чисто теоретически, – повторил он, и его взгляд стал ледяным и пронзительным, но моя улыбка не дрогнула, – Твое любопытство может привести к большим неприятностям. Кассандра, – добавил он более мягко, – Займись лучше своей курсовой.

Я потянулась за поцелуем, считая тему исчерпанной, но он вдруг отстранился и произнес:

– Кесс, есть еще один разговор. Мне нужно сообщить тебе кое-что важное.

Я насторожилась. Его тон был непривычно серьезным.

– Ты больше не сможешь приходить ко мне в кабинет в любое удобное для тебя время.

Внутри все оборвалось.

– Почему? – спросила я, чувствуя, как голос предательски дрогнул. Я попыталась встать, но он лишь крепче меня обнял, не давая вырваться.

– Я практически перестаю преподавать в академии. Передаю дела другому преподавателю. Теперь моя основная работа – с трудными студентами. Ректор посчитал мой опыт с тобой... положительным, – он слегка улыбнулся, но тут же снова стал серьезным, – Кроме того, я параллельно начинаю работать в центре подготовки Стражей – как и планировал, поэтому я буду появляться в академии лишь эпизодически. Но когда у меня будет возможность – я дам тебе знать.

Я перестала дергаться и замолчала, пытаюсь осмыслить услышанное. Конечно, я была рада за него, но...

— А как же... мы? — выговорила я, наконец, всматриваясь в его серые глаза.

— Мы будем встречаться, — он взял мою руку, сжал пальцы, — Но не здесь. Мы можем видаться в «Серебряном ноже». Как тебе там, нормально?

Я кивнула, не находя слов, ведь из-за комендантского часа, который начинался перед ужином, в город я могла выходить либо в выходные, либо вместо работы в архиве. Но я еще не вычислила, где эта чертова дверь... да и с факультивом пока тишина, а он мне тоже, ой, как нужен! *«Как же это все не вовремя...»* — мысленно вздохнула я.

— Значит, договорились, — он снова улыбнулся, на этот раз намного теплее, — Так будет лучше для твоей репутации!

— Хорошо... — я выдавила улыбку и кивнула, стараясь не выдать своих истинных эмоций.

Но, естественно, я не собиралась сидеть сложа руки. Мне нужны были инструменты, а знаний по артефакторике не хватало. И, размышляя, насколько подозрительно будут выглядеть мои вопросы мастеру Хофстедтеру («скажите, а как сделать следящий артефакт, чтобы никто не узнал?» — звучит прекрасно, не правда ли?), я внезапно вспомнила об Элизабет.

Она же перевелась с Артефакторного... Может хотя бы

подскажет, задаст направление для дальнейших поисков. Тем же вечером я взяла кружку и пачку печенья и отправилась напрашиваться в гости. Мы жили в одном крыле общежития, в старинной части замка, где гуляли сквозняки. Я была в легкой домашней тунике и тонких тапочках. Холодный каменный пол отдавал ледяным холодом, проникавшим сквозь тонкую подошву, заставляя ежиться и мечтать о пледе.

Наконец, дверь открыла Элизабет. За ее спиной, в кресле сидела Кларисса с книгой в руках. Я узнала корешок с первого взгляда – та самая душещипательная сага «Слезы вечной любви», первую часть которой на прошлой неделе мне вручила Алисия, жалуясь, что третью книгу никак не завезут в лавки нашего провинциального Сторхолда.

– Кесси? – удивились девочки.

– Привет. Не помешаю? – я подняла кружку и пачку с печеньем, стараясь не стучать зубами, – Запаслась печеньем, но скучно одной. Составите компанию?

– Да, конечно, заходи, – Элизабет улыбнулась и отступила, пропуская меня.

Комната была такой же, как у всех: две кровати, шкафы у стены и стол у окна с уютными креслами, в одном из которых устроилась Кларисса, а во второе меня усадила Элизабет, тут же принявшись хлопотать над заварочным чайником.

– «Слезы любви»? – кивнула я Клариссе на отложенную книгу, – Не знаешь, продолжение уже завезли?

– Ты тоже читаешь? – Кларисса вскинула брови.

– Ага, – улыбнулась я в ответ, – ты на каком моменте сейчас? А ты, Лиз, читаешь ее?

– Я уже давно обе части прошла, вообще-то! Больше ни за что не буду читать неоконченные циклы! Это ужас какой-то! – Элизабет ворчала и одновременно наливала чай в мою кружку.

– На моменте, где его друг ему говорит, что она любит его, а он спорит, что она не может его любить... – оживилась Кларриса.

– Это где он ее бросил, потому что решил, что «не достоин»? Я готова была швырнуть книгу в стену!

— Он жертва детских травм! — возмутилась Кларисса.

— Он идиот, — хором сказали мы с Элизабет и расхохотались.

И мы принялись обсуждать загадочные мужские души главного героя и его лучшего друга. Потом переключились на более общие темы, и я осторожно перевела разговор в нужное мне русло.

– Девочки, а у вас никогда не было такого чувства... будто вещи в комнате кто-то слегка передвигает? Буквально чуть-чуть? – осторожно начала я рассказывать наспех придуманную легенду.

– У тебя что-то пропало? – ахнула Элизабет, и ее брови поползли вверх.

– Бывает, – пожала Кларисса плечами, – Но мы же вдвоем.

То я подвину, то она. Это же нормально.

– Нет, не пропало. Просто... иногда кажется, что вещи в моей комнате слегка сдвинуты. Я живу одна, понимаете. Становится не по себе. У нас же обычно не запираются двери... Спрашивала у девочек, они говорят, что ничего не трогали. Может комендант? Но с другой стороны – зачем ему... А может я просто переутомилась и сама себе придумала, – я пожала плечами, а девочки молча переглянулись.

«Мда, легенда не зашла, – с досадой поняла я, – надо было придумать что-то другое».

– Лиз, ты же с артефакторного перевелась... Может есть какие-то артефакты, чтобы я точно узнала, открывалась ли дверь в мое отсутствие? Мне больше для успокоения... Кому нужна моя комната... Показалось, наверное, – я уже не знала, как выкрутиться. С каждой минутой собственные слова казались все большим бредом.

Она побарабанила пальцами по столу.

– Сложные артефакты слежения – это высокий уровень. Мне такое точно не под силу. Да и материалы нужны дорогие...

– Жаль, – огорчилась я.

– Если только... – она потерла виски, – Сигнальная нить? Ее можно натянуть в проеме. Если нить порвут или сдвинут с места, твой кристалл-резонатор нагреется. Но это разовое использование.

Мое сердце екнуло. Это было то, что нужно. Просто и ге-

ниально.

– Это идеально! Лиззи, милая, а ты можешь показать, как это делается? Я бы очень хотела научиться! – я прижала руки к груди от избытка чувств.

«Это же все решает! – радовалась я, – Когда найду дверь, то обклею ее такими ниточками со всех сторон!»

– А давай прямо сейчас, чего откладывать? – заулыбалась она.

– Правда? – просияла я.

Элизабет кивнула и, отставив кружку, пошла к одному из шкафов, из недр которого достала деревянную шкатулку с потертыми углами.

– Что-то по мелочи осталось с артефакторного... должно хватить, – пробормотала она, ставя ее на стол, на котором Кларисса уже отодвинула в сторону кружки и сладости.

Элизабет открыла шкатулку. Внутри, на бархатной подкладке, лежали несколько мотков шелковых нитей разных цветов, пригоршня прозрачных кристаллов разного размера и тонкие медные проволоочки.

– Шелк лучше всего проводит магический импульс, – объясняла она, доставая моток серебристой нити и кристаллы размером с ноготь, – Кристаллы кварца – для стабилизации.

– Смотри. Берешь два кристалла. Нить должна образовать между ними петлю в форме бесконечности. Вот так.

Ее пальцы двигались быстро и уверенно. Она отмотала около полуметра нити, пропустила ее вокруг первого кри-

сталла, сделала перекрест, обвела вокруг второго. Получилась аккуратная восьмерка.

– Теперь заставь поток закрепиться в этих точках, – указала она, и я мысленно перевела для себя: *«нужно магическим импульсом «припаять» нить к кристаллам»*.

Элизабет прикоснулась кончиками пальцев к месту соединения нити и первого кристалла. Ее лицо стало сосредоточенным. Я даже не почувствовала никакого выброса энергии – работа была тонкой, почти ювелирной. Но через несколько секунд нить у кристалла слегка заблестела, как будто ее покрыли тончайшим слоем льда, и она повторила то же самое со вторым кристаллом.

– Теперь в середину петли кладем третий кристалл. Он будет резонатором.

Элизабет поместила третий, размером с детский кулачок, кристалл в центр восьмерки.

– Дальше самое сложное. Нужно влить в нить энергию, но не слишком много, иначе порвется. И не слишком мало, иначе контур не замкнется. И одновременно аккуратно поднять третий кристалл.

Она положила ладони по обе стороны от конструкции, не касаясь ее. Постепенно нить между кристаллами начала светиться мягким голубоватым светом, медленно нарастая.

Элизабет осторожно подцепила пальцами третий кристалл, приподняла его на сантиметр. Нить натянулась, но не порвалась. Свет стал ярче, устойчивее.

– Вот и все, – Элизабет выдохнула, – Теперь энергия циркулирует по нити. Если нить разорвется, энергия выплеснется в окружающее пространство. Но поскольку третий кристалл находится в резонансе с контуром, большая часть энергии притянется к нему, и он нагреется. Понятно?

Я кивнула и дотронулась пальцем до одного из кристаллов. Он оказался чуть теплее комнатной температуры. Но когда я коснулась его пальцем, почувствовала легкую вибрацию – едва уловимое дрожание.

– Как долго это работает?

– Зависит от силы первоначального заряда и от толщины нити. Эта – неделю, не меньше. Потом энергия рассеивается.

Я положила кристалл обратно на стол, смотрела на него, как замороженная. Просто и элегантно. Идеальная ловушка.

– Лиззи, почему ты перевелась? – с любопытством поинтересовалась я, – у тебя же так здорово получается!

Она чуть покраснела, расплываясь в улыбке.

– Так нужно было очень много учить. Это, – она указала на кристаллы, – я чувствую пальцами. Но как соотнести свои ощущения с тем, что написано в учебнике – понимаю через раз... – она тяжело вздохнула, – вот и сбежала, пока не отчислили. Держи, попробуй сама, – она протянула мне моток и новые кристаллы, словно не хотела продолжать разговор на эту тему.

Я повторила ее движения: отмотала нить, попыталась обвести вокруг кристаллов. Пальцы не слушались. Нить пута-

лась, соскальзывала. Кларисса со вздохом вернулась к своей книге.

– Не спеши, – посоветовала Элизабет, – Движения должны быть плавными.

С третьей попытки мне удалось сформировать подобие восьмерки. Теперь нужно было «припаять». Я прикоснулась к месту соединения нити и кристалла, попыталась сконцентрироваться. Но в голову лезли формулы: коэффициент проводимости шелка, энергетический потенциал кварца, оптимальная сила импульса...

Напрягая воображение, я старательно представляла, как тонкий поток энергии стекает с кончика пальца, проникает в нить, создает устойчивую связь. Ничего не произошло – нить оставалась обычной нитью.

– Сильнее, – подсказала Элизабет, – Но не слишком.

Я увеличила «напряжение». Нить вдруг дернулась и порвалась у самого кристалла.

– Видишь? – Элизабет улыбнулась, – Слишком резко. Попробуй еще раз.

На этот раз я не стала полагаться на ощущения – ну, не мое это, – а приблизительно прикинула максимальный объем энергии, которое может выдержать нить, и направила «манна-частиц» чуть меньше, чтобы остался запас. И, наконец, нить у кристалла заблестела.

– Получилось! – воскликнула Кларисса.

Чуть быстрее удалось повторить процедуру со вторым

кристаллом. Наконец, я положила третий кристалл в центр и начала медленно «закачивать» энергию в контур. Свет появился почти сразу – тусклый, неровный. Он мерцал, как плохой фонарь.

Подцепив третий кристалл, я начала осторожно его поднимать. Нить натянулась. Свет стал ярче, но и начал пульсировать с опасной частотой. Я чувствовала, как энергия бьется внутри контура, ищет выход.

– Осторожнее, – предупредила Элизабет.

Услышав ее подсказку, я сразу осторожно уменьшила поток, и пульсация замедлилась, а свет стал более ровным, хоть и не таким ярким, как у Элизабет. Тихонько переведя дыхание, я подняла кристалл еще на сантиметр. Нить выдержала.

– Да у тебя талант! – сказала Элизабет, и в ее голосе прозвучало искреннее удивление.

Я опустила кристалл, положила его на стол. Моя конструкция светилась, но слабее, чем у Элизабет. Кларисса снова отложила книгу и подошла посмотреть.

– Молодец, Кесс, – Кларисса похлопала меня по плечу, и я почувствовала, как в очередной раз краснею.

– Спасибо! А сколько это продержится?

– Дня три-четыре. Не больше. Но для проверки хватит.

Рассматривая свое творение, я с улыбкой кивнула. В голове уже крутились расчеты: если разместить такие нити вокруг предполагаемого входа, то при любом открывании...

– А какой радиус у резонатора? – уточнила я, – На каком

расстоянии сработает нагрев?

Элизабет задумалась.

– Зависит от силы заряда и чистоты кварца. В лучшем случае... сто шагов. Не больше.

Сто шагов. Это очень мало. Если вход в подземелье находится где-то в глубине архива или, что хуже, в другом крыле замка, я могу и не успеть.

– А есть способ увеличить радиус? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал просто из любопытства, – или может где-нибудь можно купить помощнее артефакт?

Повисла пауза, девочки нахмурились.

– Есть одно место, – наконец, сказала Элизабет, – Но...

Она переглянулась с Клариссой, и, вздохнув, продолжила уже более уверенно.

– Есть одна лавка. «Безделушки мистера Гвибла». На Пряничном переулке. В прошлом году на артефакторном у нас был курсовой проект... – она смотрела в пол, отвернувшись, – Я три недели не спала, только и делала, что делала и переделывала. Магистр сказал, что если не сдам – отчисление. Одна... знакомая отвела меня к Гвиблу. Он... он сделал мне такой артефакт на заказ. За три дня, – она подняла на меня глаза, – Там продают... разное. И можно купить артефакт слежения, – последнее слово она прошептала настолько тихо, что я скорее прочитала его по губам, нежели услышала.

– Лиз, – я дотянулась и мягко тронула ее за рукав, – Спасибо, что рассказала. Это останется между нами. Ты меня

выручишь невероятно, если сводишь меня к нему. В ближайшие выходные.

– Мне... у меня уже есть планы на выходные, – пробормотала Элизабет.

– Ну, пожалуйста! – взмолилась я, – я же с ума сойду еще ждать... Мы быстренько! И я никому ни слова. Клянусь.

Элизабет вздохнула. Она смотрела на свои руки, потом на меня. Видимо, жалость перевесила.

– Ладно. Вечером сбегает туда и обратно. Только учти – он странный. И дорого берет. И не говори потом, что я тебя не предупреждала.

– Спасибо, – я улыбнулась ей искренне, – Очень выручишь.

Мы допили чай, вернувшись в разговор к обсуждению женских романов, моды и средств из лавки тетушки Гленды.

Когда я встала, чтобы уйти, Элизабет протянула мне пригоршню кристаллов и моток нити.

– Спасибо тебе большое! – я кинулась ее обнимать, расстроганная. *«Теперь мимо меня ни одна Лорейн не проскочит!»*, – мысленно ухмыльнулась я.

Я вернулась в комнату с чувством невероятного облегчения и разложила перед собой кристаллы – рассматривать их при девочках было бы неудобно. Мне повезло: Элизабет отдала три крупных кварцевых кристалла и одиннадцать маленьких, с ногтей.

«Вот только есть ли смысл делать нить, если в выход-

ные мы пойдем за настоящим артефактом?— скептически нахмурилась я, рассматривая неожиданное богатство, — а что если из крупных кристаллов сделать накопители? На Артефакторике мы изучали это в прошлом семестре, и у меня даже неплохо получилось... — я довольно кивнула в такт собственным мыслям, — Если получится купить нормальные маячки, так и сделаю!».

Глава 9.

На следующий день я снова пришла к магистру Бергли с пачкой исписанных листов – анализом влияния имперских акведуков на рост приграничных городов.

Он читал, водя пальцем по строчкам, временами хмурясь, а временами кивая.

– Лучше, – заключил он, откладывая листы, – Гораздо лучше. Виден системный подход. Продолжайте в том же духе.

– Спасибо, магистр, – кивнула я, чувствуя облегчение. Мое алиби было в порядке.

Из кабинета Бергли я направилась прямоком в архив. За своим столом у стойки, как всегда, дремал архивариус.

– Добрый день, хранитель Боррин, – поздоровалась я, ставя на край его стола вишню в сахаре.

– Добрый, добрый, – пробурчал он, приоткрыв один глаз, и тут же потянулся к баночке с темно-красными ягодами в густом сиропе.

Я снова положила руку на сферу: «Диссертации. Исследования. Упоминание: Крепость Белая Скала». Если прямые данные недоступны, нужно искать их отражение в академических работах. Диссертации, кандидатские и магистерские работы хранились здесь вечно, и в них могли быть случайные, но ценные упоминания.

Сфера замерцала интенсивнее, чем когда-либо. С легким треском один за другим выдвинулись сразу семь ящиков. Я облегченно выдохнула. Это было что-то.

В течение следующих двух дней я превратилась в машину по обработке информации. Мне очень хотелось успеть до выходных, и я приносила ему то домашнее печенье, то очередную баночку варенья, и заказывала выдачу одной диссертации за другой. Он ворчал, кашлял, но приносил все, не спрашивая больше, как они соотносятся с моей темой. Я погрузилась в мир чужих научных изысканий прошлых столетий.

Большинство работ лишь вскользь упоминали Белую Скалу как один из многих примеров. Я выписывала горы бесполезных деталей о прочности известкового раствора или коэффициенты теплопроводности базальта, чувствуя, как тонкая нить азарта обрывается, уступая место усталой рутине. Мои глаза слезились от пыли и пергамента, пальцы пачкались чернилами. Каменная стена. Ни одного намека на то, что лежит глубже фундамента.

Я уже почти ненавидела эту пыльную могилу знаний, устало листая предпоследнюю в моем списке диссертацию, датированную прошлым веком, уже не надеясь ни на что. И почти в самом конце, в разделе «Частные случаи», мой взгляд зацепился за короткий абзац:

«В качестве примера можно привести конструкцию бойниц в восточной стене крепости Белой Скалы выявлены двойные ряды бойниц, расположенных друг над другом с

характерным смещением. Нижний ряд имеет классическую форму и ориентирован под углом 45 градусов; верхний – уже, с узкой щелью и направлен строго вперед. Анализ кладки показывает: верхний ряд врезан в дополнительный пояс укреплений, пристроенный к первоначальной стене. Согласно отчету хранителя Ингвара Гартнера (Код ИВ-КР-ОД-019, фонд «СИ», доступ огр.), работы по укреплению восточного сектора датируются...».

«Да это же год основания нашего Королевства!» – мысленно присвистнула я, – *А вот отчету всего чуть больше десятилетия...»*. Я замерла, едва дыша. Сердце заколотилось так, что я боялась, будто Боррин услышит его стук через весь зал. Это было даже больше, чем я могла надеяться найти в архивных источниках! Собрав все фолианты и рукописи, я с невинным видом подошла к стойке.

– Хранитель Боррин, – позвала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он открыл один глаз.

– Закончила? Отдавай.

– Я... нашла одну очень интересную ссылку, – я осторожно положила перед ним открытую диссертацию, указав на злосчастный абзац, – Вот, в этой старой работе. Автор ссылается на служебный документ с кодом ИВ-КР-ОД-019 из фонда служебного использования для пояснения своей идеи...

Боррин нахмурил свои кустистые брови, медленно читая. Его лицо стало непроницаемым.

– Этот фонд ограниченного доступа, – отчеканил он, – Для внутреннего пользования администрации, преподавателей и хранителей. Не для студентов. Никаких исключений. Правила.

– Я знаю правила, – заговорила я быстро, вкладывая в голос всю убедительность, на какую была способна, – Но без этого документа я окончательно запутаюсь и придется начинать все с начала. Магистр Бергли требует работы с первоисточниками. Я не буду ничего выносить. Даже выписывать. Я просто взгляну на этот лист, чтобы понять контекст и подтвердить цитату. Ну, пожалуйста, мастер Боррин. Иначе вся моя работа пойдет насмарку.

Я смотрела на него, широко раскрыв глаза, изображая отчаяние студентки, у которой рушится научная карьера. Он смотрел то на меня, то на почти пустую баночку с вишневым вареньем (последнее из моих запасов), стоявшую у него на столе. Между долгом, раздражением и странной, привычной уже симпатией к этой настырной, но вежливой и щедрой на сладкое посетительнице шла немая борьба. Он тяжело вздохнул – звук, полный капитуляции перед неизбежным.

– Ладно, – проскрипел он, – Но только быстро. И я буду стоять рядом! Одно лишнее движение – и больше никаких ограниченных фондов. Никогда.

– Спасибо! – выдохнула я с искренним облегчением.

Он нехотя повел меня вглубь архива, к тому самому ряду стеллажей за медной цепью – в секцию ограниченного досту-

па для служебного пользования. Ряд, что находился напротив той самой глухой двери. Каждый шаг отзывался гулким стуком в висках. Я была так близко к цели, что становилось страшно.

Боррин, покопавшись, извлек из недр полки тонкую папку в потертом кожаном переплете с искомым кодом. Он не отдал ее мне, а сам нес к единственному столику в этой зоне, стоявшему прямо напротив загадочной двери.

– Садись. Пятнадцать минут.

Я села. Он встал в двух шагах, скрестив руки на груди, и уставился на меня не моргая. Воздух казался густым и тяжелым. Дверь была практически в трех метрах от меня, и я видела каждый завиток узора, каждую потускневшую инкрустацию, мне даже казалось, я почти чувствовала холод, веявший от ее металлической поверхности. Но... взгляд архивариуса давил на меня почти физически.

Дрожащими от волнения и напряжения пальцами я открыла папку. Внутри лежало несколько листов пергамента с казенными записями. Я пробежалась глазами по тексту: «мощность оборонительной линии в секторе «ВС-4» увеличена вдвое за счет возведения внешнего пояса из базальтовых блоков... дополнительно развернут специализированный объект биостабилизации, обеспечивающий локальную гармонизацию энергетического фона... работы выполнены в соответствии с регламентом, без нарушения целостности первоначальной кладки... Зафиксировано значительное

снижение интенсивности некроэманаций... Требование ежеквартальной проверки целостности первичных и вторичных магических печатей силами хранителя Гартнера...».

«Сектор «ВС-4»». «Объект биостабилизации». «Хранитель Гартнер». Никакой конкретики – схем, точных координат, описания самого «сектора» – не было. Только общие формулировки, приказы и предостережения. На последнем листе был тот самый список ответственных, где я еще раз увидела имя: «Хранитель восточного крыла, ответственный за секторы «ВС-1» и «ВС-4» – Ингвар Гартнер».

Я старалась запомнить каждую строчку, каждую формулировку, но под ледяным взглядом Боррина это было невыносимо.

– Время вышло, – голос архивариуса прозвучал громко, нарушая гнетущую тишину.

Я медленно, с театральным сожалением, закрыла папку, как будто прощалась с самым дорогим.

– Спасибо, мастер Боррин, – произнесла я тихо, отодвигая папку к нему, – Очень жаль, что вам, такому почтенному хранителю, пришлось все это время стоять из-за моей настойчивости. Извините за беспокойство. Я, кажется, нашла то, что искала.

– Надеюсь, – буркнул он, забирая папку, и его взгляд на мгновение смягчился, – А то стою тут как часовой.

Я встала, позволив себе последний, тоскливый взгляд на дверь. Я была так близко к разгадке, что почти чувствовала

ее вкус – вкус пыли, камня и старой магии. Но между мной и истиной по-прежнему стояла непроницаемая стена из правил, запретов и бдительного старика.

– Боюсь, для полноты картины мне придется еще раз обратиться к этому документу чуть позже, – сказала я, глядя ему прямо в глаза и нарочито грустно вздыхая, – Когда я проанализирую данные по смежным фундаментам. Чтобы сделать верные выводы. Надеюсь, вы не откажете мне в следующий раз?

Боррин посмотрел на меня, потом на пустую, вылизанную до блеска баночку из-под варенья на своем столе. В его взгляде мелькнуло нечто, похожее на усталую покорность судьбе.

– Придешь – спросишь, – произнес он, и в его тоне уже не было прежней непримиримости, – И варенье бери другое. Это кисловато.

Теперь у меня были хоть какие-то зацепки. *«Интересно, этот мистер Гартнер еще работает в академии?»* – промелькнуло в голове.

Пока я погружалась в архивные поиски, пытаюсь отыскать хоть крупицу нужной информации, пары никто не отменял, к сожалению.

Я чувствовала себя выжатой, словно лимон, и не сразу заметила, что в аудитории кого-то не хватает. Алхимия как алхимия, лаборатория как лаборатория – все шло своим чередом: магистр Батчер привычно комментировал опыты, в воз-

духе витал знакомый коктейль запахов – сера, кипящий травы, озон от магических реактивов, – но... что-то было не так.

Сначала я отмахивалась от этого ощущения. Может, просто не выспалась? Может, слишком много всего на этой неделе – и эти бесконечные часы в архиве, и ворох заданий, и...

Но на следующей паре – семинаре по общей теории магии – я увидела, что место рядом с Дугласом, через проход от меня, пустовало. *«Интересно, где Эд, – промелькнула тревожная мысль, – Прогуливает, наверное...»* – тут же отмахнулись я, стараясь сосредоточиться на словах профессора Эдрика, – *«Надеюсь, не заболел...»*

Не появился он и на следующий день, и мое беспокойство пересилило желание не лезть не в свое дело. Между парами я отстала от девчонок и перехватила Дугласа.

– Дуглас, постой. Где Эдвард? – тихо спросила я, подходя к нему.

– Он... не заболел. У него... умер дед. Позавчера пришло известие.

– Спасибо, что сказал... – у меня защемило сердце. Я помнила, как Эд однажды вскользь, без привычной бравады, упомянул, что всегда хотел быть похожим именно на своего дедушку.

Остаток дня я сидела на лекциях и думала об Эдварде: *«Как он там... Один...»* – и тут же себя одергивала, – *я же не пойду в мужское крыло его утешать? Это просто даже не уместно! Да и он ведь может неправильно понять... Уви-*

деть могут, опять же...». Но мысль о том, что он сейчас один, почему-то не давала мне покоя. «*Ты не обязана*, – твердил внутренний голос, – *у него и без тебя куча друзей и утешителей!*».

И тут же поймала другую, куда более честную мысль: я всегда ненавидела слово «не обязана». А еще мне вспомнился прошлый семестр: «Я мастер молчаливой поддержки, если что – обращайся» – кажется, он сказал именно так, заметив мои заплаканные глаза. И ведь он не спрашивал при этом, уместно ли.

Мы шли по дорожке к столовой, когда Миа и Лиана одновременно обернулись ко мне.

– Кассандра, ты с нами на обед? – спросила Миа, поправляя лямку сумки, – Или опять сразу в архив, как всю неделю?

Я на мгновение замерла, машинально прикидывая в голове расписание. Обед продлится не меньше часа – а в это время общежитие будет почти пусто. Именно то, что нужно.

– Да, да, в архив, – подтвердила я, и в тот же миг почувствовала: решение уже принято, – Спасибо, что напомнили.

– Опять? – Лиана мгновенно закатила глаза, – Боишься, что пыльные свитки от тебя сбегут?

– Кассандра, ты когда-нибудь ешь, как нормальный человек? – вторила ей Миа, скрестив руки на груди, – Ты же вчера почти ничего не съела!

Я рассмеялась, стараясь скрыть волнение за легкой улыбкой.

– Периодически, – подмигнула я. – И потом, кто-то же должен раскопать все эти древние записи раньше, чем они окончательно покроются вековой пылью.

– Ну и энтузиазм, – фыркнула Лиана.

– Ладно, тогда до вечера? – Миа слегка толкнула меня локтем, – На ужине расскажешь, что там накопала.

Когда они свернули к столовой, я проводила их взглядом и медленно побрела в сторону общежития, давая себе последнюю возможность все взвесить.

Внутри поднималось знакомое чувство – тревожное, колющее. То самое, которое всегда толкало меня вмешаться. Протянуть руку. Встать рядом.

Иногда это заканчивалось благодарностью. Иногда – тем, что меня просили уйти. Но я все равно шла туда, где, как мне казалось, требовалась моя помощь – такой уж я человек.

«Если он скажет уйти – уйду», – наконец, окончательно решила я для себя, сворачивая на мужскую половину элитной части общежития.

Дверь в его апартаменты была закрыта. Я постучала сначала тихо, потом настойчивее, отчаяннее.

– Уходи, Дуг, – глахо прозвучал из-за двери хриплый, сорванный голос. Он был настолько лишен привычных интонаций, что я на секунду усомнилась, тот ли это человек.

– Эдвард, это Кассандра.

За дверью воцарилась тишина, а затем раздался раздраженный, почти злой возглас:

– Чего тебе?! Иди отсюда! – он кричал уже почти истерически, и я услышала, как внутри что-то с грохотом упало, – Не надо мне твоей жалости!

– Я не для этого пришла, – я прислонилась лбом к прохладной деревянной поверхности двери, – Всего лишь немного молчаливой поддержки, Эд!

Я прислонилась спиной к стене рядом с его дверью и слушала, как он грохочет мебелью. Казалось, прошла вечность, прежде чем я услышала тихие, неуверенные шаги. Замок щелкнул, и дверь распахнулась. Он был бледен, его идеально уложенные волосы были всклокочены, глаза покраснели и опухли.

– Заходи... – он развернулся и побрел внутрь, а затем опустился на пол у огромного окна, прислонившись головой к холодному стеклу. Он не смотрел на меня, его взгляд был прикован к чему-то за пределами видимого.

Комната была в полумраке, шторы плотно задернуты. На полу валялись осколки стекла, у стены – разбитый стул с отломанной ножкой.

Я осторожно переступила через осколки и села рядом, на паркет, поджав под себя ноги. Мы сидели в тишине, которую нарушало лишь прерывистое, слишком громкое дыхание Эдварда.

– Мне правда жаль, Эд, – прошептала я, – И не буду говорить, что понимаю, что ты чувствуешь. Но знаю, как это больно.

Он горько усмехнулся.

– Я с ним поругался в каникулы... – глухо пробормотал он, – Из-за ерунды. И теперь это последнее, что между нами осталось.

В груди что-то сжалось. Слишком знакомо.

– Ты не мог знать, что это последний разговор, – прошептала я, – Никто из нас никогда не знает. Если бы знали – жили бы иначе.

Он закрыл глаза.

– Я должен был извиниться!

– Возможно. Но один спор не стирает годы.

Он тяжело выдохнул и промолчал.

– Расскажешь немножко о нем? – осторожно предложила я.

– Зачем тебе?

– Я, конечно, не такой мастер молчаливой поддержки, как ты, – криво улыбнулась я, – но, кажется, такая боль быстро начинает разъедать изнутри. Выпусти ее? Хоть немного.

Он отвернулся и долго молчал, а потом его плечи задрожали.

– Он... он единственный, кто меня понимает... понимал... – сдавленно вырвалось у него, – Отец... отец всегда говорит о долге, о репутации, о том, что я должен быть «достойным продолжателем рода». Как же часто я слышу о том, что наш род восходит к королевской династии, ты бы знала! А дед... он видит... видел во мне просто внука, а не перспективного

наследника... А в каникулы мы поссорились из-за какой-то ерунды, – он прикрыл глаза, и его шепот прозвучал совсем сдавленно, – я... я так и не извинился... – Он сжал кулаки так, что костяшки побелели, – И теперь я не смогу этого сделать. Никогда.

Слова утешения застряли комом в горле. Я подсела ближе и положила руку ему на плечо, пытаясь выразить свою поддержку этим жестом. На секунду он окаменел, но почти сразу уткнулся лицом мне в плечо, и вскоре я почувствовала, как ткань рубашки под мантией пропитывается влагой. Я не знаю, сколько мы так просидели. Молча. Наконец, он отстранился, тут же отвернувшись, и я, стараясь не обращать внимание на мурашки в затекших ногах, встала.

– Тебе принести воды? – тихо предложила я.

Не оборачиваясь, он кивнул.

Я специально долго ходила по его кухне, гремела посудой, чтобы дать ему время принять тот факт, что я стала свидетелем его слез.

Когда я протянула ему стакан, его лицо вновь застыло безэмоциональной маской. Сев обратно на пол рядом с ним, я прислонилась к холодной стене затылком. Внезапно воспоминание, мое собственное – не Кассандры, – нахлынуло на меня с такой силой, что я едва не задохнулась: *«Вот я стою на сцене актового зала института, сжимая в ладонях диплом с отличием. Вокруг грохочут аплодисменты, одноклассники кричат «ура!», смеются, но взгляд мой сколь-*

зит по толпе сияющих лиц родителей, среди которых не было моего деда, вырастившего меня вместо родителей, давно погибших в аварии. Он не дожил до моего выпуска всего полгода. Он так этого ждал, так гордился мной. Я стояла одна, в эпицентре всеобщего ликования, и чувствовала лишь страшную, ничем невозполнимую пустоту. Самый главный человек не увидел моего успеха. И от этого весь успех становился бессмысленным...».

Я не поделилась этим с Эдвардом, конечно. В тот миг, глядя на его сгорбленную спину, я с ужасной ясностью осознала: мое нынешнее одиночество в этом чужом теле, в этом чужом мире – не что-то новое. Это было жуткое, до боли знакомое эхо. Эхо старой, незаживающей раны. Комок подкатил к горлу, такой тугой и горячий, что мне пришлось задержать дыхание. Изо всех сил зажмурившись, я постаралась не выдать своих эмоций и отогнать непрошенные слезы. *«Не смей! – приказала я себе, – Только не сейчас...».*

Так в тишине, прислонившись к стене, мы просидели еще вечность. И, когда я почувствовала, что слезы отступили, не выдержала:

– Знаешь, что самое сложное? – прошептала я и тут же пожалела, чувствуя, как мои слова кажутся слишком громкими и пафосными. Не стоило этого говорить... Но отступить было поздно, – Не момент, когда они уходят. А все эти «следующие разы» потом. Следующий праздник, который нужно отмечать без них. Следующее достижение, о котором некому

рассказать. Я знаю, каково это. Но в этом нет предательства. Жить дальше – не значит забывать., – и добавила еще чуть тише, – Прости... кажется, это звучит как дешевая психология.

Он не ответил, но медленно кивнул, тяжело вздохнув. В комнате снова воцарилась тишина, но мне показалось, что теперь она была как будто менее одинокой. Спустя время я ощутила острую потребность побыть наедине с собой.

– Эд, – тихонько позвала я его, вставая, – если захочешь поговорить о нем, не постесняйся попросить, я приду. Договорились?

Он внимательно посмотрел мне в глаза, криво улыбнувшись уголком рта.

– Договорились, – он помолчал и добавил уже тише, почти шепотом, – Спасибо. Что не ушла.

Он не вставал меня проводить. Но когда я закрывала за собой дверь, мне показалось, что его плечи чуть-чуть расправились.

Я брела по бесконечным, гулким коридорам академии, не видя и не слыша ничего вокруг. Горе Эдварда, его потеря, стали тем ключом, который вскрыл мою собственную, давно похороненную боль.

В своей комнате я стояла у окна, глядя, как заходящее солнце окрашивает шпили академии в багровые тона. Внезапно на стол приземлилась записка, доставленная магическим вестником:

«Ты придешь? Я у себя. А.Р.».

Идти не хотелось, и я ответила: *«Хочу побыть одна».*

Ответ пришел почти сразу:

«Все в порядке?»

Нет, конечно... Но говорить – значит снова проживать.

«Да».

Пауза.

«Я не буду расспрашивать. Просто обниму и посижу рядом. Если захочешь».

Я побарабанила пальцами по записке в нерешительности, и в этот момент прилетела следующая записка:

«Приходи, у меня твой любимый шоколад».

Усмехнувшись, я все же начала собираться. До последнего сомневаясь в правильности своего решения, я медленно шла по опустевшим коридорам академии.

Аррис сидел за своим массивным столом, склонившись над каким-то отчетом. Увидев мое лицо, он отложил перо и вскочил, неловко засуетившись. Я забралась с ногами на диванчик, и он тут же принес мне чай и молча сел рядом, осторожно приобняв меня за плечи. Обхватив горячую кружку двумя руками, я положила голову ему на плечо. Мы бесконечно долго так сидели. В тишине. Наконец, немного оттаяв от чужого тепла, я сделала крошечный глоток чая. Чуть остывший, крепкий, сладкий – все, как я люблю.

– Знаешь... – начала я тихо, все еще глядя в кружку, – Сегодня почувствовала себя ужасно одинокой.

Он покачал головой.

– Одиночество? Как будто ты стоишь у окна, а за стеклом – жизнь?

– Да, – кивнула я, – Как будто ты за стеклом.

– Значит, я буду стоять напротив, – он слегка сжал мою руку, – Смотреть тебе в глаза. Говорить. Быть рядом. Пока ты не почувствуешь, что я рядом, – прошептал он, чуть подвинувшись ближе.

– Рядом... – повторила я, впервые за день улыбнувшись.

Он молча протянул мне свою руку, ладонью вверх. Я медленно, почти нерешительно, вложила свою холодную руку в его. Его пальцы сомкнулись вокруг моих – крепко, но аккуратно. Большим пальцем он нежно гладил меня по костяшкам, не произнося ни слова.

Мы сидели так в полной тишине, пока за окном не стемнело. И от этой молчаливой поддержки я растрогалась окончательно.

– Спасибо, – шепнула я, не поднимая головы.

Он слегка сжал мою руку в ответ.

– Всегда, – тихо сказал он.

Я медленно встала, и он сразу же поднялся вслед за мной, заключая меня в объятия. Его ладонь мягко легла на спину, а подбородок на мгновение прижался к макушке – легкое, почти незаметное касание, от которого по коже пробежали мурашки. Его руки держали меня крепко и нежно, словно он боялся нарушить этот хрупкий момент.

В кольцо его рук было так спокойно, но уже нужно было бежать, и я отстранилась.

– Мне пора, – сказала я мягко, – В общежитие.

Я уже сделала шаг в сторону двери, когда он меня окликнул:

– Кесси, я... Мы увидимся в выходные?

– Прости, – вздохнула я, – У меня другие планы.

– Вот как? – его лицо на мгновение окаменело, и он отвернулся к окну. Повисла неловкая пауза, и я замерла в растерянности.

– Ты не видел понимающего Арриса? – нервно пошутила я, – он только что был здесь... Что случилось?

– Я просто думал, что... – его плечи поникли, словно под грузом, и когда он, наконец, обернулся, то я увидела погрузневший взгляд, – ладно, ничего. Не хочу... навязываться, – последнее слово он прошептал еле слышно.

– Ты не навязываешься, прекрати, – вздохнула я, подошла к нему и обняла. В ответ он сжал меня с такой силой, что у меня перехватило дыхание, и этом объятии было столько отчаяния, что мне даже стало как-то не по себе.

Позже я сидела на подоконнике в своей комнате, подтянув колени к груди. За окном темнели шпили академии, уже лишённые багрового света.

«Как же так? Он так тонко почувствовал мое состояние. Не давил, не расспрашивал, не лез в рану – просто был рядом. Бережно разделил мое одиночество, и оно перестало

быть невыносимым. И в то же время вот эта его реакция», — я поморщилась и принялась распутывать этот клубок ар-рисовской логики дальше:

«Если разобрать все по шагам... Он спросил про выходные — это нормально. Я отказала — это тоже нормально. Но потом он сказал «я не хочу навязываться!»». И в этот момент стало ясно: это уже не про расписание, а про позицию в целом.

«Навязывается тот, кто чувствует, что его могут не хотеть. Он не сказал «жаль» или «мне хотелось провести время вместе». Вместо этого, он сразу занял оборону, его «вот как» было ну уж очень колючим. Словно я его оттолкнула, хотя я всего лишь обозначила свои планы, — я вспомнила прошлый семестр, поморщившись, — Вот вечно он так: не уточняет, не проясняет, а делает шаг назад! Первый. Чтобы не оказаться тем, кого отстранили?».

Я медленно провела пальцем по холодному стеклу, выводя узоры. «Кажется, так и есть, — я кивнула в такт своим мыслям, — он умеет быть рядом с моей болью — потому что там нет угрозы его значимости. Там он нужен. Но в отношениях... он не выдерживает риска услышать «нет»? И каждый раз, когда я говорю «у меня другие планы», он слышит «ты мне не нужен»?».

Тяжело вздохнув, я прикрыла глаза.

«Как уж он там обмолвился, когда мы были в ресторане... «Кто захочет быть с таким, как я?» Интересно, кто

разбил его сердце настолько, что он настолько боится потерять контроль и услышать «нет» в свой адрес?».

Глава 10.

В выходной я не находила себе места – слонялась из угла в угол, то и дело поглядывая на часы в ожидании, когда освободится Элизабет. Все валилось из рук. В конце концов, я принялась пересчитывать монеты – медяки, серебряные, несколько королевских золотых – все, что удалось отложить за семестр.

Привычка из прошлой жизни – иметь финансовую подушку. Поэтому деньги, которые присылали родители, я тратила лишь на самое необходимое: бумагу, перья, изредка – чашку чая в кафе. Остальное неизменно отправлялось в заветный мешочек.

Мы договорились встретиться с Элизабет у ворот академии в четыре но я пришла чуть пораньше до назначенного времени. Холодный ветер срывал с крыш снежную пыль, пронизывал до костей. Я плотнее закуталась в шерстяной шарф поверх плаща и принялась отбивать ногой о ногу, пытаясь хоть как-то согреться.

Элизабет появилась лишь в половине пятого, запыхавшаяся, с покрасневшими щеками.

– Прости, я не смогла раньше.

– Ничего страшного, – просипела я, едва сдерживая дрожь, – Спасибо, что вообще согласилась!

– Только никому не рассказывай... Даже подругам!

– Обещаю, что ни единая душа не узнает!

Мы вышли за ворота академии, миновали центральную площадь и свернули на дорогу, ведущую в старые, более бедные кварталы. Один за другим зажигались фонари. Шли молча, постепенно ускоряя шаг, и снег хрустел под сапогами, словно раздавленные стеклянные осколки. На каждом перекрестке Элизабет настороженно оглядывалась, и ее тревога передавалась и мне.

Пряничный переулок притаился в старом квартале, где узкие улочки петляли между почерневшими от времени домами с островерхими крышами. Здесь пахло дымом из печных труб, кислым пивом из ближайших таверн и чем-то затхлым. Снег здесь никто не чистил – он лежал неровным, грязно-серым слоем, испещренным следами редких прохожих.

Наконец мы свернули в арку под вывеской с потрескавшимся пряником. Двор оказался пустынным. Элизабет остановилась у неприметной двери с потертой медной ручкой в форме совы. Оглянувшись по сторонам, она постучала: два коротких удара, пауза, три быстрых.

Минуты тянулись невыносимо долго. Я уже начала думать, что лавка закрыта или нас попросту не ждут. Но вдруг дверь приоткрылась на несколько сантиметров. Из щели блеснул острый, настороженный взгляд.

Полки до потолка ломились от странных предметов: склянок с мутными жидкостями, замысловатых механизмов, свитков, перетянутых потрепанными шнурками, и прочих

дикивинок, чье предназначение оставалось загадкой.

За прилавком, в ореоле дрожащего света коптящей лампы, сидел мистер Гвибл. Его длинные седые усы шевельнулись, будто живые, когда он поднял на нас глаза.

– Давно не виделись, мисс, – произнес он скрипучим голосом, – Неожиданно.

– Добрый вечер, мистер Гвибл, – покраснела Элизабет, шагнув вперед, – Это моя подруга. Я за нее ручаюсь. Ей нужен инструмент для наблюдения.

Гвибл медленно перевел немигающий взгляд на меня.

– Наблюдать за чем, мисс? За птичками? – в его голосе прозвучала едва уловимая насмешка.

– За пространством, – твердо ответила я, – Чтобы знать, заходил ли кто-то в комнату в мое отсутствие.

Он хмыкнул, наклонился и полез под прилавок. Послышался скрежет отодвигаемого ящика, звон металла, шуршание бумаги. Через мгновение он поставил передо мной небольшую деревянную коробочку с потертыми уголками.

Я приоткрыла крышку. Внутри, на мягкой темно-бордовой ткани, лежали шесть плоских камушков цвета тусклого свинца и маленький обсидиановый осколок в оправе из потускневшего серебра.

– Теневые маячки, – пояснил Гвибл, постукивая длинным пальцем по краю коробки, – Раскидываешь по периметру. Главный приемник вешаешь на себя. Если в зону действия маячка попадет что-то теплое и движущееся размером

с кошку или больше, камень у тебя похолодеет. Радиус работы маячка – пять шагов. Радиус приема – пара-тройка сотен шагов.

– А если предмет просто упадет или дверь откроется, но никого не будет? – уточнила я.

– Тогда не холодеет. Маячки на жизнь реагируют, на шум – нет.

Я открыла кошель, отсчитала названную сумму – серебро и медь. Элизабет тихо вздохнула с облегчением, когда я спрятала коробочку во внутренний карман.

– Спасибо, – шепнула я ей.

– Просто будь осторожна. И не говори, где взяла, – ее голос звучал серьезно, почти строго.

– Конечно!

Мы вышли на улицу. Сумерки сгущались стремительно, окрашивая снег в глубокий синий цвет. На центральной площади я притормозила у витрины книжного магазина – окна еще светились теплым желтым светом. Элизабет с недовольным лицом обернулась на меня.

– Лиззи, я заскочу в книжный, ладно? Хочу узнать про третью часть «Слез Любви», – как можно беспечнее махнула я рукой в сторону витрины.

Элизабет подняла взгляд к темнеющему небу, потом снова посмотрела на меня. В ее глазах читалась тревога.

– Ты не обидишься, если я в академию пойду? – она обернулась на дорогу, по которой уже возвращались студенты

других факультетов.

«Милая, я на это и рассчитывала», – мысленно усмехнулась я.

– Не переживай! Я и так очень тебе благодарна, что ты нашла на меня время! – я обняла ее.

– Не забудь про комендантский час! И... Кесс... Давай договоримся: если кто-нибудь спросит, мы сегодня просто гуляли по городу, хорошо?

Я кивнула и скользнула в дверь магазина. Через витрину видела, как она развернулась и направилась к академии. Подождав, пока ее фигура скроется за поворотом, я быстро зашагала обратно к Пряничному переулку.

Дверь с медной ручкой в форме совы была плотно закрыта. Я поднесла кулак к дереву и выстучала знакомый ритм: два коротких удара, пауза, три быстрых.

Тишина.

Постояла, прислушиваясь. Ничего. Постучала снова – громче, настойчивее.

Наконец, за дверью послышался скрип половиц, шорох, приглушенный кашель. Дверь приоткрылась на цепочке.

– Опять? – раздался скрипучий голос Гвибла, – Одна?

– Я по вопросу сегодняшней покупки, – ответила я, стараясь говорить ровно, – Нужен совет.

Цепь щелкнула и упала. Я переступила порог, и дверь за мной тихо закрылась, отрезав порывы холодного ветра.

Гвибл уже стоял за прилавком – неподвижный, словно из-

ваяние. Руки сложены на животе, усы чуть подрагивают.

– Я хочу кое-что еще, – сказала я, не теряя времени, – Артефакт, который позволяет видеть сквозь преграды. Дерево, камень.

Он не моргнул. Просто смотрел на меня немигающим взглядом.

– Зачем это студентке? – наконец произнес он, и в его голосе прозвучало не любопытство, а скорее подозрение.

– У меня курсовая по архитектуре, – тут же нашлась я, – Хочу все подробно изучить. А что?

Он молчал. Десять долгих секунд. Потом кивнул, развернулся и снова полез под прилавок. На этот раз звук был иным – глухим, будто отодвинули потайную панель.

Через мгновение он поставил передо мной футляр из темного бархата, чуть потрепанного по краям. Я осторожно приподняла крышку. Внутри лежали очки с тонкой металлической оправой и слегка затемненными линзами, отливающими перламутровым блеском.

– «Взор саламандры», – произнес Гвибл, и в его голосе проскользнула нотка почти благоговейного уважения, – Видят сквозь дерево, большинство металлов. Каменная кладка – до локтя толщиной. Но есть условия: не более пяти минут непрерывного использования в сутки. Превысите – головная боль гарантирована. И еще... – он сделал паузу, пристально глядя на меня, – если вас поймают с этими очками, будут проблемы. Серьезные.

– Сколько? – спросила я, не отрывая взгляда от артефакта, – и еще... скажите, у Вас есть атакующие артефакты? И если есть, то... что сколько стоит?

Он долго пристально смотрел мне в глаза. Я не отводила взгляд. Наконец, он хмыкнул.

– Атакующие только под заказ. По стоимости от сотни золотых. А очки – десять золотых.

Я едва сдержала разочарованный вздох: *«Так дорого... Хватит только на очки»*. И я молча высыпала на прилавок десять золотых.

Гвибл провел пальцем по монетам, словно взглядом проверяя их подлинность, потом сгреб все в ладонь.

– Удачи с курсовой, мисс, – усмехнулся он, но в его глазах не было и тени веселья.

Я хлопнула футляр, сунула его в глубокий карман плаща – поверх коробочки с теньевыми маячками. Развернулась к выходу.

– Мисс.

Я остановилась и обернулась.

– В следующий раз приходите с тем, кто за вас поручился, – произнес он ровным голосом, – Мне так спокойнее будет.

Я молча кивнула и вышла на улицу. Дверь с совой тихо закрылась за моей спиной.

Снег падал все гуще, укрывая камни белым покрывалом. Мне нужно было попасть в центр города, а оттуда – вверх, к академии. Я ускорила шаг. Из тени одного из домов вышел

человек, высокий, в темном потрепанном плаще, с капюшоном, падающим на лицо.

– Поздно гуляешь, девочка, – он перегородил мне дорогу.

Я попыталась обойти его, прижавшись к стене. Он шагнул в сторону – снова наперерез.

– Что там у тебя в карманах? Покупала у старика Гвибла? Покажи!

Я отшатнулась, рванула прочь, но он быстро догнал меня и схватил за руку чуть выше локтя. В нос ударил тошнотворный запах перегара и немытой кожи.

Я дернула рукой, но он только еще крепче вцепился. И тогда я развернула ладонь, направляя огонь вдоль руки, дернулась снова и одновременно со всей силы пнула его куда-то по ноге. Запахло паленой тканью. Он заорал, отшатнулся, размахивая рукой в тлеющем рукаве, и не удержав равновесие, рухнул на одно колено с проклятием.

Я тут же бросилась бежать.

– Стой! Убью! – ревел мужик позади меня.

Я ускорила. Свернула в первый попавшийся переулок – узкий, темный, заваленный сугробами. Вдали поверх крыш домов мерцали огни академии, мой ориентир в этом лабиринте. Не сбавляя скорости, я нырнула в какой-то двор, проскочила его насквозь и выбежала на очередную тесную улочку.

Еще поворот.

Еще.

Я влетела за угол, споткнулась о скрытый под снегом камень и едва удержалась на ногах. В тот же миг из-за угла низкого дома, похожего на сарай, выступил новый силуэт.

Высокий мужчина в рваной куртке преградил мне путь.

– Эй, куда торопишься? – его голос звучал тягуче, с угрозой.

– Дайте пройти! – мой голос дрогнул, но я постаралась говорить твердо.

– Выворачивай карманы! – он резко выбросил вперед руку. В тусклом свете блеснуло лезвие ножа – короткого, с широким клинком.

Медленно отступая спиной к стене ближайшего дома, я не сводила глаз с ножа. Он двинулся на меня, неторопливо, словно хищник, наслаждающийся погоней. Нож в его руке ритмично покачивался – будто маятник, отсчитывающий последние мгновения моей свободы.

В этот момент в переулке раздался тяжелый топот и хриплое дыхание. Я резко обернулась: первый преследователь, слегка прихрамывая, все же настиг меня. Его лицо, освещенное тусклым светом из окна наверху, исказилось злобой. Рукав его плаща почернел, края дымились после моего огненного удара.

– Держи тварь! – прохрипел он, подбирая толстую палку.

Отступая к домам, огляделась. До каждого из них – не больше пятнадцати шагов. И тут краем глаза заметила позади себя – чуть сбоку – узкий проход между домами, не шире

метра. Крыши над ним почти смыкались, образуя естественный козырек, поэтому света и снега там почти не было.

Времени на раздумья не оставалось.

Подняла руки – левую ладонью к тому, кто с ножом, правую – к тому, что прихрамывал, сжимая в руках палку. Сосредоточилась на потоке маны, ощущая, как энергия пульсирует в кончиках пальцев. Мана-частицы. Преобразование. Контроль.

Из ладоней вырвалось пламя – не буйное, не слепящее, а приглушенно-алое, с едва заметной оранжевой каймой по краям. Цвет говорил сам за себя: температура минимальная – достаточно, чтобы напугать, но не обжечь. В морозном воздухе оно выглядело особенно зловеще: дрожащее, плотное, с неровными язычками, будто сама тьма пыталась вырваться наружу.

Я резко выбросила руки вперед. Пламя устремилось к преследователям – не потоком, а широким веером, заполнив пространство между нами мерцающей завесой. Они отшатнулись, инстинктивно прикрывая лица: даже такое сдержанное свечение в темноте казалось угрозой, обещанием боли.

Не теряя ни мгновения, я развернула ладони вниз, коснувшись снега всего на долю секунды. Алое пламя легло на белую поверхность – мягко, почти нежно. Верхний слой снега мгновенно подтаял, превратившись в тонкую пленку воды. Надеюсь, успеет схватиться...

Пользуясь их заминкой, я метнулась к темнеющему про-

ходу между домами. Оглянувшись, увидела – они бросились за мной.

На ходу развернулась и левой рукой метнула огненный шар – точно в кисть, сжимавшую лезвие, и почти одновременно правой рукой выпустила струю пламени, поджигая палку в руках приближающегося первого, которую он с криком тут же отбросил.

– Убью! – взревели они.

Под их яростные ругательства я бросилась бежать. Судя по звукам, доносившимся со спины, кажется, они все же упали на льду, продолжая орать мне в след.

Выскочила в другой переулок – чуть шире и чище, с горящими фонарями. Повернула направо, через дом свернула на соседнюю улицу – и увидела горящий свет в витрине.

Не раздумывая, я рванула дверь и ввалилась внутрь. В нос ударил густой запах: травы, спирт, воск, чуть – затхлость старых пергаментов. Аптека.

За прилавком стоял пожилой мужчина в темном фартуке. Он оторвал взгляд от толстой книги, переплетенной в потрепанную кожу.

– Мисс?

Я захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной. Дыхание вырывалось рваными клубами пара. Поправила плащ, нащупала в кармане артефакты – чудом не потеряла.

– Добрый вечер. За мной гонятся грабители. Помогите!

Я метнулась к прилавку, швырнула на столешницу сереб-

ряную монету. Она звонко ударилась о дерево и осталась лежать, блестя в свете лампы.

– Это за беспокойство. Если поможет.

Он медленно перевел взгляд с монеты на меня. Пауза затянулась. Потом – так же неторопливо – поднял монету, взвесил на ладони и тут же спрятал в карман.

– Мне не нужны проблемы. Если Вы не собираетесь ничего покупать – уходите.

– Серьезно?! Я... Так, ладно. Есть у Вас мочегонное? – сориентировалась я.

– Для взрослого или ребенка? Сильное или слабое? – он даже не пытался скрыть свое раздражение.

– Сильное. Для себя беру, – я выложила на прилавок еще пару серебряных, но предусмотрительно накрыла их ладонью, – оплата у Вас уже в кармане, а это будет за беспокойство, если выведете через черный выход!

Он достал с полки склянку с прозрачной жидкостью и поставил на прилавок рядом с моей ладонью. В этот момент я услышала на улице шум и хриплую ругань. Вздвогнув, я подняла на аптекаря глаза.

– Ну? – я приоткрыла ладонь, и монеты блеснули в свете его лампы, – Черный ход и Вы меня не видели!

Он замер в нерешительности.

– Через склад, – Наконец, он кивнул в сторону угла за стеллажами, – Там дверь на задний двор. Калитка во дворе не заперта. Выходит на Мучной переулок.

Кивнув, я тут же бросилась туда, на ходу запихивая склян-ку в тот же карман, где лежали артефакты. И как только я их не выронила нигде? Во дворе – груда пустых бочек, сугро-бы в тени. Торопливо пробиралась между ними, стараясь не шуметь. Калитка у дальней стены скрипнула, чуть застряла в снегу, но поддалась.

Вышла в темный переулок. Тишина. Рванула дальше, вы-бегая на широкую освещенную улицу. Я остановилась, при-жав ладонь к колотящемуся сердцу. Осмотрелась: эта улица была мне знакома, я уже довольно близко к центральному району, но Академия – далеко, вверх по крутому подъему. Пешком – полчаса, не меньше. Дорога прямая, фонари го-рят. Меня будет видно как на ладони. Сколько у меня време-ни? Преследователи уже могли догадаться проверить аптеку.

На противоположной стороне дороги пылали огни ресто-рана «Серебряный нож», в котором мы бывали с Аррисом. Я хорошо запомнила планировку: на втором этаже располага-лись отдельные кабинеты, и из одного из них как раз откры-вался вид на этот перекресток и выход из аптечного двора, где я только что спасалась от преследователей.

Не теряя ни секунды, я перебежала дорогу и толкнула тя-желую дубовую дверь.

После ледяного ветра воздух ресторана казался густым и пряным: аромат сочного жареного мяса, дымок от дровяной печи и тонкий шлейф дорогих духов.

У входа стоял метрдотель – воплощение безупречной вы-

правки в черном костюме. Мы встретились взглядом, и он приветливо улыбнулся, явно узнав меня. Но уже в следующее мгновение он сверху вниз просканировал взглядом мой облик, и его лицо заметно вытянулось, хоть и почти сразу вновь обрело нейтральное выражение.

– Добрый вечер, – произнесла я, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно спокойнее, – Мне нужен кабинет на втором этаже. Тот, что с окном на эту улицу, – я махнула рукой за спину, – Я жду... спутника. Он присоединится позже.

Спустя небольшую паузу, он невозмутимо кивнул:

– Конечно. Прошу.

Его тон не изменился, но в нем проскользнула едва уловимая нотка снисхождения. Едва заметно посмотрев по сторонам, он провел меня наверх, открыл дверь в небольшой кабинет: стол, пара уютных диванчиков, а главное – окно с видом на эту же улицу.

– Принести меню?

– Да, пожалуйста. И кувшин воды.

– Передам официанту, – кивнул он и добавил тише, – мисс... у Вас все в порядке? Возможно, требуется помощь?

– Я попала в неприятную ситуацию, – вздохнула я, – но, к счастью, она уже разрешилась, кажется.

Он кивнул, вновь окинув меня взглядом, и, наконец, вышел. Я тут же метнулась к окну, отодвинула плотную портьеру. Улица была пустынна. Шел мелкий снег, неторопливо кружась в желтом свете фонарей – почти романтика, если бы

не бешеный стук пульса в висках.

Сбросив оцепенение, я вытерла набежавшие слезы и дрожащими руками достала из карманов футляр с очками и коробочку с маячками, чудом не потерянные сегодня, а затем, наконец, сняла грязный плащ, осмотрела рукав: ткань обгорела почти до плеча, края почернели и хрустели под пальцами. Удивительно, что вообще впустили в ресторан. *«Пожалели или вспомнили приличные чаевые, которые оставил Аррис в прошлый раз?»*

Вскоре пришел официант с меню и кувшином воды, и я заказала самое дешевое блюдо – после всех этих забегов и использования магии желудок уже сводило от голода, а денег в кошельке оставалось совсем мало, – и, как только осталась одна, снова заняла наблюдательный пост у окна.

Минуты тянулись медленно. Я уже начала думать, что пронесло, что преследователи сбились со следа или решили бросить бесполезную погоню. Но вдруг – они выскочили из переулка, остановились посреди освещенной улицы, озираясь по сторонам. Один все еще держался за руку – видимо, последствия моего огненного удара. Они явно перекрикивались, жестикулировали, потом резко развернулись и направились прочь – вниз по улице, в сторону академии.

Я медленно отпустила портьеру и без сил рухнула на диван, откинувшись на спинку. Адреналин медленно выветривался, оставляя после себя усталость и легкую пустоту. *«Комендантский час давно наступил... – размышляла я, –*

черт, надо было все рассказать Аррису, как только я нашла косвенные доказательства в архиве! Тогда бы не пришлось здесь торчать! Или это попадание в книгу так влияет? Шаблон, что каждая уважающая себя попаданка должна сама все разгребать? – усмехнулась я сама над собой и тут же покачала головой, – наверное, я просто боюсь, что он не поверит, если будет мало доказательств. Как это уже было еще в прошлом семестре до стирания памяти...». Невольно я вспомнила Элору и сжала кулаки от нахлынувшей злости.

Идея пойти к Аррису мелькнула и тут же погасла. Я знала его домашний адрес, но стоило мне представить его реакцию на мой растрепанный вид, на обгоревший плащ, на сбивчивые объяснения о том, где я была и что делала...

– Мне нужна наемная карета до Академии Белой Скалы, – спустя еще почти час обратилась я к подошедшему официанту.

– В такое время будет дорого, – он окинул взглядом мой потрепанный вид, и я против воли покраснела.

– Не страшно, – процедила я.

– Я включу в Ваш счет, – кивнул он.

Я запихнула в карман платья артефакты и спустилась вниз, перекинув плащ через предплечье, чтобы его обгоревший рукав не было видно и чтобы выпирающий карман с коробкой и футляром не бросался в глаза.

Наконец, на одноконном экипаже, измотанная, я добра-

лась до Академии. Я попросила остановиться в двухстах шагах от главных ворот, ожидаемо закрытых. Как только кучер развернул экипаж и отправился прочь, я, тут же накинула на себя плащ и, ежась от холода, двинулась вдоль высокой каменной стены, окружавшей академию.

Шла долго, пока стена наконец не сделала плавный поворот. Здесь, в густой тени раскидистых елей, притаилась небольшая калитка, рядом с которой притулилась сторожевая будка – в памяти всплыл рассказ Лианы: осенью, они гуляли с Биллом, и именно здесь их пропустил сторож.

Подойдя, я осторожно постучала в окошко. Внутри что-то с грохотом упало, раздался сонный, недовольный голос. Дверь сторожки распахнулась – на пороге возник старик в тулупе, с фонарем в руке. Свет выхватил из темноты его нахмуренное лицо.

– Кто там? Чего надо? – голос звучал хрипло, с явным раздражением.

– Добрый вечер, – я постаралась говорить ровно, несмотря на колотящееся сердце, – Я студентка. Опоздала. Пожалуйста, пропустите.

– Ворота закрыты, – отрезал он, не меняя тона.

Я со вздохом достала последнюю серебряную монету.

– Я очень устала. Просто откройте калитку. Пожалуйста.

Он медленно перевел взгляд с монеты на меня, затем – по моему лицу, задержавшись на опаленном рукаве плаща. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое – то ли любопыт-

ство, то ли усталость от вечной рутины. Фонарь в его руке дрогнул, отбрасывая причудливые тени на заснеженную землю.

– А ну-ка, иди сюда, на свет.

Я сделала шаг к фонарю. Он пригляделся.

– Ты... ты с Боевого что ли? С таким крепышом в одной группе учишься, да?

– Да, да, – быстро сказала я, хотя не была уверена, о ком он, – С Гарри одноклассники мы.

Он хмыкнул, взял монету.

– Ладно. Только тихо. И чтобы я тебя больше не видел с такими просьбами.

Он отпер калитку тяжелым ключом. Я проскользнула внутрь и поспешила в общежитие. И только когда я добралась до своей комнаты, меня затрясло в запоздалой истерике. Прислонившись спиной к двери, я медленно сползла на пол, обхватив себя руками.

Визуализация Мистер Гвибл

Глава 11.

Утром понедельника столовая гудела, как растревоженный улей. Воздух дрожал от смеха, возбужденных возгласов и звона посуды. Мы с девочками едва протиснулись к нашему привычному столу, уворачиваясь от студентов, жестикулирующих с булками в руках. Повсюду слышались обрывки фраз: «...а ты видел...», «Я чуть со стула не упал!», «Эдвард в последнее время редко такое вытворяет, но уж если берет-ся...».

В центре всеобщего внимания, окруженный плотным кольцом восхищенных девушек с младших курсов, стоял сам виновник торжества. Эдвард Вандербилт вновь сиял своей ослепительной, беззаботной улыбкой.

– Ну вот! Опять из-за тебя все пропустили! – с драматическим вздохом обвинила Лиана Мию, с силой ставя на стол свой поднос, – Я же просила ускориться! Как знала... Мы могли быть здесь десять минут назад!

– А я что, специально по-твоему? – вспыхнула Миа, садясь напротив, – Стрелка не ложилась ровно! Ты бы лучше помогла, а не стояла над душой со своими вздохами!

– Ох, да, конечно, виновата стрелка, – ехидно встряла Вики, с насмешливым прищуром разглядывая Мию, – И, надо полагать, тушь сама собой решила сегодня собраться в комочки? Жаль, что твой перфекционизм не позволил нам

увидеть, как Вандербилд устроил, судя по всему, целое шоу.

Я молча слушала их перепалку, с наслаждением откусывая кусок теплого хлеба с джемом. Вот они, извечные проблемы – кто кого задержал, чья стрелка кривее. После этих экстремальных выходных мне были просто необходимы какие-то подобные «обычности», чтобы впечатления от старого квартала поскорее выветрились.

– Ой, ладно вам, в следующий раз не пропустим. Лучше расскажите, как у кого выходные прошли! – я миролюбиво перевела тему разговора.

– Я чуть с ума не сошла вчера, – театрально закатила глаза Лиана, – У нас же было парное свидание с Мией и Дугласом. Так потом, когда мы остались одни, он начал расспрашивать, почему я не познакомила его с родителями. А что я ему скажу? Что он несерьезный? И чего он решил это вспомнить... В итоге поссорились.

Миа, отставив тарелку с кашей в сторону, разулыбалась.

– А нам было хорошо. Мы просто гуляли по набережной, а потом Дуглас подарил мне новый гребень.

Лиана закатила глаза.

– Ты счастлива, а я отношения выясняла.

Вики усмехнулась и покачала головой.

– А я была в салоне. А вы даже не заметили! – она сунула под нос каждой из нас свои идеальные ногти.

– Вики, прости! – повинились мы почти хором.

– Мы просто опаздывали из-за кое-кого, – Лиана бросила

недовольный взгляд на Мию.

– А ты, Кесс? – повернулась ко мне Миа, – Тоже на свидании была?

Я вспомнила свое «свидание» с грабителями и вздрогнула.

– Нет. Читала вторую часть «Слез любви». А еще мы Элизабет немного прошлись по городу.

За столом на секунду повисла тишина. Лиана и Вики переглянулись с одинаковыми выражениями недоумения.

– С Элизабет? – медленно переспросила Лиана, отложив ложку, – Она же всегда с Клариссой. С того момента, как перевелась к нам, они не отлипают друг от друга.

Я пожала плечами, размазывая джем по хлебу.

– Ну, вот. Видимо, оторвалась. Теперь понимаю, почему у Клариссы вчера было такое недовольное лицо, когда я встретила их в коридоре.

Девочки весело фыркнули, а я мысленно сделала себе пометку, что надо бы купить Элизабет хотя бы шоколад за ее помощь.

Завтрак уже подходил к концу, и столовая практически опустела, как вдруг за моей спиной вдруг кто-то взвизгнул – я чуть не подпрыгнула от неожиданности, – и тут же столовая взорвалась криками, по каменному полу закрипели отодвигаемые стулья. Как и девочки, я тут же обернулась, и увиденное заставило меня подскочить.

У входа уже образовался плотный круг: Дуглас, Брайан и

кто-то еще удерживали Эдварда, а напротив, пяясь, пытался вывернуться из толпы рыжий парень – Оливер.

Лицо Эдварда было искажено яростью. Не привычной показной вспышкой – настоящей, оголенной. Я никогда не видала его таким.

– Пошли выйдем! – его голос прорезал гул, заставив разговоры оборваться, – За слова надо отвечать!

Толпа качнулась, расступаясь, и вся эта напряженная, гудящая масса двинулась за ними, вываливаясь из столовой.

И стало неожиданно тихо. В голове мелькнула короткая, почти детская мысль: бросится за ними, увидеть самой, чем всё закончится. Убедиться, что все в порядке. И тут же я одернула себя, и повернулась к девочкам. Лиана и Миа тоже уже были на ногах, вытягивая шеи поверх чужих плеч. Только Вики осталась сидеть, облокотившись на стол и хмуро наблюдая поверх толпы.

– Пойдемте тоже? – Миа шагнула было к проходу.

– Да вы что? – подняла на нас глаза Вики, – Сейчас Эд его прочит, и все. Очевидно же.

Я медленно опустилась на стул, чувствуя, как адреналин все еще стучит в висках и подумала, что Вики права: наверное, это не тот случай, когда Эдвард хочет публику – в его ярости не было театральности. *«Неужели Оливер задел что-то личное?»* – нахмурилась я, – *Он ведь и раньше, кажется, высказывался об Эдварде не очень... А если бежать за ними, то что я сделаю? Прекращу драку, как это делала в про-*

шлой жизни? Но имею ли я право на этой сейчас? А просто бежать, чтобы ПОГЛАЗЕТЬ... ».

– Да, – тихо сказала я, – Вряд ли ему сейчас нужны зрители.

Лиана поколебалась, но потом вернулась за стол.

– В прошлый он тоже что-то ляпнул при всех, – с осуждающими нотками пробормотала Миа, присаживаясь обратно, – Но тогда струсил и сбежал...

– Он просто завидует, – кивнула Лиана, – Эдвард лучше него во всем. Интересно, что он сказал... Я никогда не видела Эда таким злым.

Когда мы втроем уже шли на первую лекцию, Лиана раздраженно фыркнула:

– Надо было все-таки пойти.

– А я говорила! – подхватила Миа.

– Уже поздно, – вздохнула я, – Это надо было сразу.

Первой парой была лекция по магической этике – что-то среднее между обществознанием и этикетом. Ее вел магистр Элариус, обладающий настолько невыразительной внешностью, что если бы меня попросили составить по памяти фоторобот, дальше слов «среднего телосложения» я бы вряд ли продвинулась. Даже голос – обычнее некуда. Каждый раз на его занятиях у меня возникало ощущение, что он просто отбывает повинность в стенах Академии.

– Добрый день, студенты. Сегодня – о пределах допустимости использования магии для защиты. Запишите: Само-

оборона – это применение магии исключительно для защиты от непосредственной угрозы жизни, здоровью, свободе или имуществу. Ключевые критерии: реальность, актуальность, необходимость, соразмерность. Давайте разберем каждый из них...

«Да уж, лекция еще эта... как раз в тему» – мысленно вздохнула я, уже жалея, что не пошла за ними. Эдвард и его компания так и не пришли на занятие, и взгляд невольно соскальзывал на их пустующее места, – *«хоть бы там с ним все хорошо было...»*. Я переглянулась с девочками, и, кажется, они думали о том же.

И тут дверь распахнулась.

Дуглас и Брайан ввалились в аудиторию, шумные, запыхавшиеся. Если они и стараясь быть незаметными, то провалили эту задачу с треском. Дуглас споткнулся о порог, Брайан придержал его за локоть, и они, под смех с задних рядов, плюхнулись на свободные места.

Магистр даже не прервался – только бросил на опоздавших короткий равнодушный взгляд, а мы с девочками переглянулись, округлив глаза: Эдварда с ними не было.

Остаток пары превратился в пытку, и как только прозвучал колокол, возвещающий об окончании занятия, мы бросились наперерез к Дугласу. Миа первой пробилась к нему первой и тут же схватила его за локоть:

– Дуглас! – в ее голосе звенела тревога, приправленная обидой, – Давай рассказывай! Где Эд?

Мы с Лианой встали с другой стороны, перекрывая путь к бегству:

– Они реально с Оливером подрались? Что случилось?

– Ну, подрались, – Дуглас провел рукой по лицу и вздохнул, – Теперь в деканате вот. Разбираются...

– Как Эд? – выдохнула я.

– А вы? – спросила Миа, все еще сжимая его локоть.

– Да пара синяков, все нормально, – Дуглас махнул рукой, – А мы свидетели. Нас с ним сразу отпустили, – он кивнул на Брайана, который маячил рядом и неловко переступал с ноги на ногу.

– Так, а из-за чего? – проявила настойчивость Лиана.

– Ну... – Дуглас почесал затылок, – Оливер подошел к Эду после завтрака, когда все из столовой выходили. Что-то сказал тихо со своей обычной ухмылкой, я только краем уха слышал. Эд сначала просто стоял, слушал, а потом как побелел весь и сразу в драку.

– Ну, так а что сказал-то? – почти хором выдохнули Миа с Лианой.

Тот поморщился, вспоминая:

– Я не все слова разобрал, честно. Но там что-то про обед... и про обьедки, кажется. Оливер еще ухмылялся так, что Эд сразу взбесился.

У меня внутри все оборвалось.

«Обед и обьедки...»

Я заставила себя стоять ровно, хотя ноги стали ватными.

«Скорее всего, Оливер видел, как в пятницу в обед я выходила из мужского крыла элитных апартаментов...». Я попыталась вспомнить, могла ли пересечься с ним по дороге, но в тот день я была слишком погружена в собственные эмоции – вполне могла не заметить. «Да, возможно, это не про меня, но слишком уж подходит и к ситуации и к реакции Эда...».

– Странно, – тем временем протянула Лиана, нахмурившись, – Из-за такой ерунды? Может, там что-то еще было?

– Не знаю, я больше ничего не слышал, а ты? – он переглянулся с Брайаном, и тот тоже развел руками, – Да Оливер вечно нарывается, вот у Эда терпение и закончилось! Все нормально!

Наконец, мы всей компанией пошли на следующую пару, и девочки по дороге расспрашивали о подробностях – кто что еще слышал, кто куда ударил, а я, как пыльным мешком оглушенная, шла рядом, а в голове пульсировало в такт шагам: «Обед и обеды...». Это было так похоже на Оливера – назвать свою бывшую «обедками», что чем больше я думала, тем больше утверждалась в этой мысли.

Следующие семинар прошел мимо меня. Я что-то записывала, что-то отвечала на вопросы, и даже, кажется, удачно, но в голове хаотично крутились мысли:

«Чертов Оливер. Чертово мужское крыло... А может я ошиблась? И речь вовсе не обо мне?» – мелькнула мысль, но внутренний голос только хмыкнул: «Может. Но с учетом,

что он бывший парень Кесси, и с учетом, что я была у Эдварда накануне выходных именно в обеденное время...».

Но внутри, где-то очень глубоко, я почувствовала смущение и какую-то теплую неловкую благодарность: за всю прошлую жизнь никто никогда не лез в драку из-за меня.

«А если слухи дойдут до Арриса? А вдруг он решит, что я из тех, кто... А ведь у нас все только начинается...». Я зажмурилась, прогоняя картинку, – *«Нет, нет. Он ведь видел меня в тот вечер. Возможно, он не самый открытый товарищ, но мое состояние чувствует неплохо. Так что ничего он не решит, это стопроцентно!».*

А вторая мысль – еще хуже: *«А если меня увидят с Аррисом?».* Я представила, как Оливер или его приятели скалятся, глядя на меня.

«Вот уж точно – большие никаких вечерних визитов к нему в кабинет. Только в самом крайнем случае! Потому что если кто-то увидит, как я выхожу оттуда в темноте... после истории с Эдвардом это будет выглядеть как система. А не как случайность.»

В голове промелькнуло: *«А ведь Аррис говорил... репутация, тайные встречи... Скорее бы уже рассказать ему про лича и подземелье, и пусть уж лучше я буду ездить в этот чертов «Нож», чем все это...»*

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и медленно выдохнула.

«Ладно. Сначала – Эдвард. Надо найти его и хотя бы...»

не знаю. Просто хотя бы убедиться, что я правильно поняла, и, наверное, как-то дать понять, что я благодарна... А с Аррисом... посмотрим. Я увижусь с ним и по глазам, по реакции все пойму. Может, после драки Оливер побоится распускать сплетни?»

Я вспомнила взгляд Эдварда – наполненный такой болью, что если бы мне дали выбор: пойти ли к нему снова, зная, что Оливер увидит и даже растрезвонит на всю Академию, – я бы все равно пошла. Потому что есть вещи поважнее сплетен.

Где-то на середине занятия, когда смогла успокоиться и взять себя в руки, заметила, что нашей старосты нет на месте.

– Девочки, а где Элис? – наклонилась я в сторону подруг.

– Тоже вызвали может? – предположила шепотом Лиана.

Ближе к концу пары дверь приоткрылась, и в аудиторию скользнула Алисия. Она двигалась так, будто проглотила швабру – спина прямая, лицо каменное, а в глазах плескалось такое негодование, что даже магистр на мгновение запнулся. Она молча села на свое место, скрестила руки на груди и замерла, словно памятник раздражению.

Мы с Мией переглянулись. Ну все, сейчас узнаем.

Как только прозвенел звонок, Лиана рванула к Алисии быстрее, чем я успела сообразить.

– Алисия! Ты где была? – насела она.

Староста подняла на нас тяжелый взгляд и процедила сквозь зубы:

– В деканате. Где же еще. Пришлось выслушивать, – Она скрестила руки на груди, – Спасибо вашему Эдварду. Очень вовремя.

– А мы тут при чем? – возмутилась Миа.

– Что ему за это будет, Элис? – прижала я руки к груди.

– Ничего ему не будет. Я все уладила, – Алисия дернула плечом, – Но передайте Вандербилту: если он еще хоть раз вляпается в драку... Я не нанималась его прикрывать!

Она резко встала, закинула сумку на плечо и ушла, не оглядываясь.

– Ого, – присвистнула Лиана, – кажется, Эдварду лучше не попадаться ей на глаза сегодня.

– Бедная, ей ведь, правда, ни за что досталось, – вздохнули мы с Мией.

Обед начался с небольшой суеты. Мы только уселись, как вдруг Миа вскочила с места и начала размахивать руками. Я с любопытством обернулась – в столовую вошел Дуглас, озираясь по сторонам.

– Присоединяйся к нам! – предложила она ему, когда он неуверенно приблизился к нашему столу.

Дуглас покорно опустился на стул рядом с ней, слегка смущенный, и только девочки начали вновь его расспрашивать про драку, позади меня раздался знакомый насмешливый голос:

– Место свободно?

Я вздрогнула так сильно, что ложка звякнула о край та-

релки. Эдвард, появившийся словно из-под земли, уже поставил поднос и присаживался на свободный стул слева от меня.

– Ой, извини, напугал, – он склонил голову набок, изучая мое лицо, – Ты какая-то дерганная сегодня, Энциклопедия. Не выпалась?

«Не выпалась. Если бы дело было только в этом...»

– Да нет, просто задумалась, – я поспешно проговорила и тут же заметила его руки. Костяшки пальцев были сбиты, на некоторых запеклась кровь, – А ты... как? – тихо спросила я.

Перехватив мой взгляд, он тут же убрал руки под стол.

– Не бери в голову, – одними губами быстро сказал он и добавил громче, – Искал вот Дугласа, а нашел самую умную компанию в столовой, не смог пройти мимо, – он шутливо пощелкал пальцами перед носом Дугласа, который явно не решался что-то сказать, – Что такое, друг?

– Ну, что? Что сказали? – тут же выпалил Дуглас, и мы все, как по команде, уставились на Эда в ожидании его ответа.

– Ничего интересного! – широким жестом отмахнулся Эдвард, – Сказали больше ни с кем не дружить и всех бить. Или наоборот. Я не вслушивался, – он ухмыльнулся уголком губ, и я заметила, что губа у него тоже разбита, – лучше бы вы мое утреннее шоу обсуждали, а не эту скуотищу! Я вообще-то старался! Иллюзии всю ночь придумывал, а вы... – он скрестил руки на груди и закатил глаза.

– Расскажи про шоу? – подхватили мы с Вики.

– Самому себя хвалить – дурной тон! – замахал он руками, – скажу лишь, что это было грандиозно, и я разочарован, что вы все пропустили!

И мы наперебой принялись его убеждать, что больше никогда-никогда не пропустим ни одного его розыгрыша.

– Эд, скажи, если не секрет... а из-за чего вообще, ну, драка была? – все же не удержалась Лиана, – Дуглас сказал, что Оливер какую-то ерунду ляпнул про обед, но мы ничего не поняли!

Я внутренне сжалась. Только не это.

Эдвард посмотрел по сторонам и при этом бросил быстрый взгляд в мою сторону – неуловимый, но я его все же заметила.

– Дуглас прав, ничего особенного. Очередная глупость от Оливера. Я просто решил, что пора объяснить ему, что языком молоть – не самое безопасное занятие.

Он говорил легко, небрежно, словно речь шла о пустяке, и Вики хмыкнула:

– И из-за какой-то глупости ты готов схлопотать выговор?

– Вики, милая, – Эдвард картинно вздохнул, – есть вещи поважнее выговоров. Например, принципы.

Миа восхищенно захлопала глазами, Лиана понимающе кивнула, а я снова покосилась на Эдварда. Синяки под глазами стали заметнее, чем утром, когда он красовался перед первокурсницами, а на скуле темнел свежий кровоподтек. Он выглядел уставшим, но улыбка была все той же – при-

вычно-ослепительной.

Позже, оказавшись, наконец, в своей комнате, я прижалась к холодному стеклу лбом, успокаиваясь: *«Я приняла решения, но большие сейчас никак не могу повлиять на все это. Опять же, существует крошечный шанс, что драка не из-за меня и это просто совпадение. Если будут вопросы лично ко мне – вот тогда и буду решать что-то еще с этим. А сейчас... сейчас мне нужно двигаться, делать что-то конкретное, иначе эта карусель из мыслей с ума меня сведет!».*

Собравшись с мыслями, я взяла перо и быстро набросала:

«Аррис,

Давай встретимся в «Нож»?» К.»

Ответ пришел быстро:

«Завтра в обед? А.Р.»

Коротко, по-деловому. *«Ладно. Завтра так завтра...»* – выдохнула я – то ли с облегчением, то ли с легким разочарованием.

И тут меня осенило: *«Это знак! Аррис занят, я свободна, архив ждет. Вместо того чтобы сидеть и нервничать, я могу сделать хоть что-то полезное. Узнать, что за той дверью!»*

И я засобиравшись, раскладывая по карманам футляр с очками и одно особое варенье.

«Дверь в архиве, посмотрим, что ты там прячешь!»

Глава 12.

Я положила маленькую баночку с темно-рубиновым вареньем на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.